

также на Совет Безопасности, поскольку он несет ответственность за поддержание мира. С этим вопросом тесно связан и вопрос о методах и ресурсах, включая вооруженные силы, какие могут быть представлены Совету Безопасности для поддержания мира. Белорусская делегация не видит никакой необходимости в учреждении Генеральной Ассамблеи специального комитета с указанными функциями. Поэтому наша делегация высказывается против этого пункта.

131. В заключение делегация Белорусской ССР считает необходимым сказать, что под видом таких рекомендаций, будто бы «призванных усилить эффективность действий Организации Объединенных Наций против агрессии», резолюция семи делегаций во главе с делегацией Соединенных Штатов Америки добивает-

ся превращения Организации Объединенных Наций в орудие вмешательства во внутренние дела миролюбивых государств, в орудие агрессии. С этими предложениями делегация Белорусской ССР никак не может согласиться и будет голосовать против этих предложений.

132. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-французски*): Мы выслушали пятнадцать ораторов по этому вопросу. Я считаю, что теперь пора закрыть список ораторов. Сейчас в нем записаны представители Кубы, СССР, Индии, Аргентины, Йемена, Эфиопии, Украинской ССР и Канады.

133. Список ораторов объявляется закрытым.

Заседание закрывается в 1 ч. 05 м. дня.

ТРИСТА ПЕРВОЕ ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Четверг 2 ноября 1950 года, 3 ч. дня

Флашинг-Мэдсуз, Нью-Йорк

Председатель: Г-н Насролла ЭНТЕЗАМ (Иран)

Объединенные действия в пользу мира: доклады Первого комитета (А/1456) и Пятого комитета (А/1463) (продолжение)

[Пункт 68 повестки дня]

1. Г-н ГУТЬЕРРЕС (Куба) (*говорит по-испански*): Доклад Первого комитета [А/1456] дает правильную картину предложений и поправок, которые были представлены по этому вопросу. В конце доклада мы находим три проекта резолюций: в первом излагаются мероприятия, которые должны быть приняты в случае угрозы миру; во втором проекте рекомендуется, чтобы Совет Безопасности выработал мероприятия, благодаря которым обязательство государств-членов предоставлять свои вооруженные силы в распоряжение Организации будет выполняться и будет обеспечено эффективное функционирование Военно-штабного комитета; в третьем проекте рекомендуется, чтобы постоянные члены Совета Безопасности собрались на совещание в целях разрешения своих основных разногласий.

2. Делегация Кубы принимала активное участие в этих дискуссиях, так как Куба, будучи небольшим государством, чрезвычайно обеспокоена создавшейся в мире напряженной международной атмосферой. Причиной этого напряжения являются споры между постоянными членами Совета Безопасности и наблюдающаяся во всех странах тенденция готовиться к войне. Тяжелое экономическое бремя, которое всем государствам приходится нести в связи с этой подготовкой, по всей вероятности, отсрочит или помешает экономическому и культурному развитию большинства этих государств. Делегация Кубы считает, что если улучшить аппарат поддержки коллективной безопасности, то можно образумить потенциальных агрессоров и предотвратить опасность войны. Поэтому делегация Кубы поддерживает проекты резолюций, прежнее наименование которых «Объединенные действия в пользу мира» она считает более удачным и

более динамичным, по крайней мере по-испански, чем тот маловыразительный и банальный заголовок «Единство в пользу мира», под которым эти проекты значатся теперь; кроме того, делегация Кубы хотела бы обратить особое внимание Ассамблеи на вопрос о законности тех решений, которые мы собираемся принять.

3. Ход событий в области международной политики с момента подписания Устава Организации Объединенных Наций 26 июня 1945 г. в Сан-Франциско и по сегодняшний день убеждает всех миролюбивых людей в том, что вместо успешного развития мероприятий по поддержанию коллективной безопасности, как это провозглашено в преамбуле Устава, мир вступил на опасный путь угроз и насилия, как решающих факторов внутренней и внешней политики.

4. Организация Объединенных Наций, конечно, достаточно сильна, чтобы обеспечить коллективную безопасность, когда могущие угрожать международному миру загрождения возникают между государствами, не обладающими правом вето. Но когда в международном споре замешана одна из пяти великих держав или когда в силу политических или иных обстоятельств одна из этих держав связана с такого рода спором, то вето может парализовать весь тот сложный механизм поддержания мира, который с таким трудом создавался в Сан-Франциско.

5. Говорилось, что те, которые не понимают, что структура Организации Объединенных Наций зиждется на принципе единства пяти постоянных членов Совета Безопасности в деле поддержания мира, принципа, лишь результатом которого является право вето, не смотрят на вещи реалистично. Согласно такому рассуждению гарантия мира заключается в том, что наступающий при разногласиях между великими державами паралич международного аппарата по обеспечению коллективной безопасности вынуждает несогласных подчиниться воле большинства. Декларация великих держав, сделанная в 1945 году в Сан-Фран-

пско¹, приводится как непреодолимое препятствие к установлению контроля над применением вето или к его упразднению.

6. Истина заключается в обратном: вето парализовало всякую инициативу, которая могла бы обеспечить миру большую безопасность, как например инициативу по вопросу разоружения и контроля над атомной энергией, а также помешало принятию в Организацию Объединенных Наций государств, вносящих ценный вклад в дело человеческого прогресса. Кроме того, вето может помешать мирному урегулированию споров, а также предусмотренным в главах VI и VII Устава действиям в случае угрозы миру, нарушения мира или актов агрессии. Как заявил министр иностранных дел Кубы в начале прений на текущей сессии Ассамблеи [282-е заседание], право вето привело лишь к единству, отрицательному единству в бездеятельности, а не к тому положительному единству, которое необходимо для поддержания мира. Ибо, чтобы разогнать грозные тучи, собравшиеся на горизонте, необходимо именно такое единство; оно позволит нам с верою ожидать того дня, когда с лица земли исчезнет страх и народы мира окажутся в состоянии заботиться лишь о повышении своего материального и духовного благосостояния.

7. Правительство Кубы считает, что рассматриваемый нами проект резолюции, не лишая Совет Безопасности каких-либо его функций, заполнит опасную пустоту, которая может образоваться в том случае, если, ввиду отсутствия единогласия среди постоянных членов Совета Безопасности, последний не окажется бы в состоянии действовать.

8. Учитывая, как это делает наша делегация, важное значение определено устанавливающих функции и полномочия Совета Безопасности статей 24, 25 и 27 Устава и в частности их значение в связи с главами VI и VII Устава, мы считаем логичным искать решение для тех случаев, когда этот наиважнейший аппарат коллективной безопасности перестает функционировать. Было бы абсурдным при наличии угрозы пожара оставаться в бездействии вследствие отсутствия законного аппарата, когда статьи 10, 11 и 14 уполномочивают Генеральную Ассамблею рекомендовать необходимые мероприятия в связи с любым вопросом, предусмотренным Уставом, включая вопросы, связанные с поддержанием международного мира и безопасности, при условии соблюдения лишь положений статьи 12. Эта статья, о которой здесь столько говорилось, предусматривает, что, пока Совет Безопасности осуществляет в отношении любого спора или ситуации функции, возложенные на него Уставом, Генеральная Ассамблея не может делать какие-либо рекомендации, касающиеся данного спора или ситуации. Напротив, когда Совет Безопасности не осуществляет возложенных на него функций, ничто с точки зрения закона не мешает Генеральной Ассамблее осуществлять эти функции.

9. В этом отношении мы придерживаемся того же мнения, что и некоторые другие представители, а именно, что основная обязанность, возлагаемая ста-

тей 24 Устава на Совет Безопасности в деле поддержания международного мира и безопасности, не является обязанностью только Совета Безопасности. Хотя Совет и имеет право принимать решения, а Генеральная Ассамблея лишь делать рекомендации, практика всех государств, а также и международная практика показывают, что, когда органы, принимающие решения, не пользуются поддержкой общественного мнения, их решения не выполняются, между тем как предложения или рекомендации, выражающие общественные настроения, гораздо действительнее и эффективнее даже принудительных мер.

10. При намечаемом в первом проекте резолюции порядке функции Совета Безопасности никем не присваиваются и вмешательства в эти функции нет, пока Совет надлежащим образом выполняет свои основные обязанности. Благодаря этому новому порядку будет заполнена та пустота, которая образуется лишь в том случае, если Совет Безопасности, вследствие отсутствия единогласия среди великих держав, не предпринимает необходимых шагов перед лицом агрессии или угрозы миру.

11. Не следует забывать, и мы это подчеркиваем, что согласно статье 24 Устава главная, но не исключительная обязанность за поддержание мира возлагается на великие державы; это к тому же вытекает из предоставляемых Генеральной Ассамблее согласно статье 11 полномочий обсуждать любые вопросы, касающиеся поддержания мира, а также делать рекомендации заинтересованному государству или государствам или Совету Безопасности, или и Совету Безопасности и заинтересованному государству или государствам.

12. Ограничения, предусмотренные статьей 12, касаются, по мнению делегации Кубы, тех случаев, когда, как говорится в этой статье, «Совет Безопасности выполняет возложенные на него настоящим Уставом функции по отношению к какому-либо спору или ситуации». Но как же быть, когда Совет не осуществляет своей главной функции?

13. По мнению представителя Советского Союза, даже когда в таких случаях угрожает агрессия, сделать ничего нельзя. Большинство изложивших свою точку зрения делегаций считает, что принципы, установленные в преамбуле Устава, а также цели и принципы, провозглашенные в его статьях 1 и 2, могут быть проведены в жизнь путем осуществления полномочий, возлагаемых на Генеральную Ассамблею статьями 10, 11 и 13; оговорка пункта 2 статьи 11 не препятствует осуществлению этих полномочий не только в силу вышеизложенных причин, — в случае паралича Совета Безопасности, — но также и потому что в статье 11, а именно в ее заключительном абзаце, определенно говорится, что полномочия Генеральной Ассамблеи, как они определяются в данной статье, не ограничивают действия статьи 10, которая по своему общему характеру не подлежит никаким ограничениям.

14. При обсуждении этого вопроса в Первом комитете делегация СССР утверждала, что первый проект резолюции нарушает Устав, и поэтому является неправильным и незаконным; она мотивировала это тем, что Генеральная Ассамблея не уполномочена принять

¹ См. документы Конференции Объединенных Наций по созданию Международной организации, Сан-Франциско, 1945 год, том XI, документ 852, Ш/1/37(1).

проект резолюции, представленный на ее рассмотрение, и что она присваивает себе полномочия Совета Безопасности. В защиту своей аргументации делегация СССР цитировала подходящие, по ее мнению, выдержки из недавно опубликованной книги профессора Ганса Кельсена *The Law of the United Nations*, забывая о том, что полномочия двух главных органов Объединенных Наций совпадают.

15. Но Кельсен, который прежде читал курс международного права в Венском университете, а теперь преподает в Калифорнийском университете, соглашается с тем, что компетенция Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности совпадает, что это может повести к коллизии компетенции, а в связи с этим может оказаться необходимым принять те или иные положения для предупреждения и разрешения такого рода конфликтов. Профессор Кельсен считает, что для предотвращения споров между обоими органами в сфере их совпадающей компетенции в пункте 1 статьи 12 Устава предусмотрено следующее: «Когда Совет Безопасности выполняет возложенные на него настоящим Уставом функции по отношению к какому-либо спору или ситуации, Генеральная Ассамблея не может делать какие-либо рекомендации, касающиеся данного спора или ситуации, если Совет Безопасности не запросит об этом».

16. Вот что говорит профессор Кельсен: «Это положение ограничивает компетенцию Генеральной Ассамблеи только в отношении дачи рекомендаций, а не в отношении обсуждения вопросов или принятия касающихся этих вопросов резолюций, не носящих характер рекомендаций»². В качестве примера он приводит палестинский вопрос, обсуждавшийся одновременно в Совете Безопасности и в Генеральной Ассамблее. Кельсен говорит далее: «Она ограничена только в отношении конкретных вопросов, находящихся на рассмотрении Совета Безопасности»³, т. е. тех вопросов, в отношении которых Совет подлинно осуществляет функции, возложенные на него Уставом, когда его работа не подрывается абсентеизмом некоторых его членов и не парализуется применением вето. В нижеприведенной выдержке из книги профессора Кельсена, устраняющей все сомнения, эта мысль четко сформулирована:

«Ограничение компетенции Генеральной Ассамблеи действительно лишь в то время, когда Совет Безопасности занимается рассмотрением спора или ситуации; это означает, что Ассамблея имеет право делать рекомендации в отношении споров или других ситуаций, которыми Совет еще не начал или прекратил заниматься. Слова «когда Совет Безопасности выполняет... функции...» могут толковаться следующим образом: пока спор или ситуация еще находится на повестке дня Совета. Но это также может толковаться и так: пока Совет Безопасности фактически выполняет свои функции; следовательно, если Совет вследствие наложения вето бездействует, то не следует считать, что он «выполняет» свои функции»⁴.

² См. Kelsen, Hans, *The Law of the United Nations*, New York, Frederick A. Praeger Inc., 1950, стр. 216.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 216 и 217.

17. Вполне очевидно, что автор, которого здесь цитировала Советская делегация в поддержку своей аргументации придерживается того же мнения что и мы, защищающие правильность и законность первого проекта резолюции. Конечно, делегация СССР может найти отдельные пункты в работе Кельсена и в любой другой работе, комментирующей Устав, которые с первого взгляда отвечают ее целям. Кельсен, указав в предисловии своей книги, что Устав не содержит положений, касающихся его толкования, говорит далее, что органы Объединенных Наций и государства-члены Организации, которые должны применять Устав, могут толковать по своему усмотрению те положения, которые им приходится применять. Поэтому он счел необходимым в своей книге изложить возможные, по его мнению, толкования, в том числе и те, которые он сам, если бы он имел право применять Устав, должен был бы отклонить как нежелательные, а также и те, о которых, можно полагать, не подумали авторы Устава.

18. Приняв обсуждаемую нами резолюцию, Генеральная Ассамблея докажет, что она считает себя компетентной вынести это решение. Ввиду же состава Ассамблеи это толкование должно считаться авторитетным. Аргументация Советского Союза, который ставит принцип единогласия великих держав — право вето — выше всех других соображений, парализует работу Объединенных Наций. Нельзя, однако, согласиться с аргументом, что целью правового и политического принципа является разрушение органа, созданного для осуществления целей Организации Объединенных Наций, ибо конечной целью как права, так и политики является жизнь, а не смерть.

19. Для того чтобы правильно истолковать юридический текст, особенно в том случае, когда он является документом политического характера, в первую очередь следует иметь в виду достижение тех условий, для которых предназначается документ. В данном случае эти цели изложены в преамбуле к Уставу и в статьях 1 и 2, касающихся целей и принципов. Иначе говоря, цель, преследуемая тем или иным положением, должна превалировать над его формой и даже над вопросами процедуры. То, что имеет второстепенное значение, не должно вытеснять собою основного. Цель важнее метода.

20. Это является не только нашим личным мнением, что буквальное толкование того или иного юридического текста, в особенности когда затрагиваются столь многочисленные интересы, как в данном случае, не должно противоречить его цели. Этому мнению придерживаются также и юристы. В 1927 году эта мысль была с примерной ясностью сформулирована Постоянной Палатой Международного Правосудия по делу Хорцовского завода. Палата, толковавшая статью 23 Женевской конвенции 1922 года между Германией и Польшей, согласно которой все разногласия между сторонами, касающимися толкования и применения статей от 6 по 22 Конвенции, должны были передаваться на разрешение Палаты, дала по этому делу следующее заключение:

«При толковании статьи 23 надлежит принимать во внимание не только историческое развитие арбитражных договоров и применяемую в них терминологию, наряду с грамматическим и логическим значе-

нием употребляемых выражений, но также, и в особенности, те цели, которым по воле договаривающихся сторон должно служить данное положение»⁵.

21. Это не единственный случай, что Постоянная Палата Международного Правосудия выдвинула и приняла функциональное и телеологическое толкование международных соглашений; она дала аналогичное толкование в целом ряде последующих решений и консультативных заключений. Она считала, и делегация Кубы придерживается того же мнения, что юридическое толкование того или иного определенного текста должно иметь целью обеспечить наиболее эффективное осуществление преследуемых соответствующим документом целей.

22. Какие же цели ставит этот текст? Цели статей 10, 11, 12 и 14, касающихся Генеральной Ассамблеи, и статей 24 и 27, относящихся к Совету Безопасности, и даже глава VIII целиком могут рассматриваться и толковаться в свете целей и принципов, изложенных в статьях 1 и 2, причем первой из этих целей является поддержание международного мира и безопасности; а для того чтобы поддерживать мир и безопасность — говорит Устав — должны предприниматься эффективные коллективные меры для предотвращения и устранения угрозы миру и подавления актов агрессии или других нарушений мира.

23. Принцип единогласия постоянных членов Совета Безопасности вполне понятен, поскольку он ставит своей целью поддержание международного мира и безопасности. Он является указанием на то, что великие державы должны быть друг с другом согласны, чтобы действовать сообща в поддержании мира и безопасности при наличии угрозы миру или нарушения его. Но это не означает, что достаточно нежелания одной из этих держав, чтобы помешать принятию эффективных мер по предотвращению и устранению этой угрозы миру или нарушения его; ибо, независимо от того факта, что на вето можно ответить таким же вето, создавая ситуацию, которая приводит к чисто отрицательным результатам, делегация Кубы считает, что использование права вето и злоупотребление им должны неизбежно привести к отрицанию той функции, которую Устав Организации Объединенных Наций определяет как главную обязанность постоянных членов Совета Безопасности и как общую функцию всех государств-членов, входящих в состав Генеральной Ассамблеи.

24. Понятно, хотя и недопустимо, когда, например, один из постоянных членов Совета Безопасности налагает вето на решение, которое принуждает его к использованию своих военных и экономических ресурсов для отражения нападения того или иного агрессора. Однако нет ни малейшего оправдания применению вето в таких случаях, как прием новых членов, выборы Генерального Секретаря или принятие решений относительно того, является ли данный вопрос вопросом процедурным или нет. Еще меньше оснований к тому, чтобы один из постоянных членов Совета Безопасности мог привести к бездействию не только Совет Безопасности, но и все главные и вспомогательные органы Объединенных Наций и их специ-

ализированные учреждения не наложением вето, а одним лишь своим непосещением заседаний.

25. Организация Объединенных Наций существует лишь ради целей, для достижения которых она была создана, и только этим оправдывается ее существование. Устав определяет правила и методы осуществления этих целей. Одним из этих правил является правило единогласия. Таким образом это правило или принцип не является самоцелью, а лишь средством для выполнения определенной функции. В тех случаях, когда цель и средства, процедура и функции — или намечаемая цель — сталкиваются или друг с другом несовместимы, то преимущественную силу перед средствами и процедурой имеет налагаемое Уставом основное обязательство, а именно обязательство достижения целей Организации другими методами и процедурами, предусмотренными Уставом.

26. Как делегация Советского Союза, так и другие делегации, разделяющие ее мнение, утверждают, что новая процедура связана с изменением Устава и что любой иной путь, чем тот, который предусматривается в статье 108, является неправильным и незаконным. По нашему мнению, мы Устава не меняем, а обеспечиваем лишь то, что, если Совет Безопасности, вследствие отсутствия единогласия своих постоянных членов, не выполнит основного своего обязательства, аппарат поддержания безопасности не будет тем самым парализован. К тому же тот факт, что вето может быть использовано в отношении принятия любой поправки к Уставу, подтверждает, что нам открыты лишь два пути: либо мы при данной ситуации остаемся в бездействии и не препятствуем миру безудержно нести в бездну хаоса и разрушения, либо мы вырабатываем метод приведения в действие предусмотренного Уставом аппарата для поддержания безопасности.

27. По мнению делегации Кубы, вопрос о созыве Ассамблеи разрешается статьей 20 Устава, согласно которой он является процедурным вопросом; во-первых, в этой статье говорится, что Генеральная Ассамблея собирается на такие специальные сессии, которых могут потребовать обстоятельства, и, во-вторых, перед статьей, содержащей это положение, поставлен заголовок «Процедура». Поэтому вполне очевидно, что Устав рассматривает этот вопрос как вопрос процедурный.

28. Но фактически мы ведь не занимаемся обсуждением процедурного вопроса. Действительность и стоящие перед нами факты вполне ясны: допустим ли мы, чтобы Организация Объединенных Наций оставалась в состоянии полного паралича под угрозой агрессии потому лишь только, что великие державы не могут стовориться? Должны ли другие государства, не обладающие правом вето и возражающие против него, быть лишены возможности действовать и препятствовать тому, чтобы мир был ввергнут в пучину войны потому лишь, что это угодно одной из великих держав?

29. Мы никогда — ни в Сан-Франциско, ни до, ни после него — не разделяли того мнения, что одни только великие державы имеют право принимать решения по вопросам, касающимся международного мира и безопасности. Такая точка зрения совершенно неприемлема ни для одного из миролюбивых государств,

⁵ См. Publications of the Permanent Court of International Justice, Series A, Collection of Judgments, No 9, Judgment No 8, page 24.

как бы оно ни было мало. Принять ее значило бы вернуться к началу эпохи современной цивилизации, к печальным дням Венского конгресса, значило бы, что тень Александра, императора и самодержца всея Руси, легла на текущие политические события и что человечеству не пришлось пролить потоки крови и пережить чудовищные разрушения ради победы над гитлеровским нацизмом и фашизмом Муссолини.

30. Но не этого мы хотим; не этого желает мир; не об этом говорится в преамбуле к Уставу. И не за это миллионы молодых людей пожертвовали жизнью.

31. Моя делегация не согласна с этой точкой зрения. Малые державы считают, — по крайней мере эта малая держава считает, — что Устав Организации Объединенных Наций возлагает на великие державы главную ответственность, иначе говоря, миссию — скорее как обязанность, а не как право — поддерживать международный мир и безопасность посредством согласия и единогласия между постоянными членами Совета Безопасности. Это согласие и единогласие безусловно чрезвычайно желательны. Но даже если нет этого согласия и нет единогласия, использование права вето не должно стать обычным явлением в Организации Объединенных Наций и тем самым парализовать ее действия, ибо если бы это произошло, то мы единым ударом упразднили бы не только цели и принципы, изложенные в статьях 1 и 2 Устава, но и весь Устав целиком.

32. Руководствуясь этими соображениями, делегация Кубы поддерживает первый проект резолюции, а также дополняющие его второй и третий проекты резолюций.

33. А. Я. ВЫШИНСКИЙ (Союз Советских Социалистических Республик): При рассмотрении в Политическом комитете вопроса, поставленного на повестку дня пленума Генеральной Ассамблеи под названием «Объединенные усилия в пользу мира», делегация Советского Союза заявила, что она готова поддержать ряд положений этого проекта семи делегаций, но что она, вместе с тем, имеет поправки и возражения по некоторым другим пунктам этого проекта.

34. Советская делегация поддерживает все те предложения, которые действительно направлены на укрепление мира и безопасности народов, которые преследуют благородную цель — отвратить опасность новых войн. Советский Союз всегда стоял, стоит и будет стоять за мероприятия в пользу мира, даже когда эти мероприятия недостаточно полны и решительны, даже если они в своей неполноте и недостатках не вполне отвечают нашим требованиям. Но если они, при всех этих условиях, направлены действительно на укрепление мира, направлены действительно на устранение угрозы новой войны, направлены действительно на обеспечение безопасности народов, — Советский Союз всегда готов и будет твердо и решительно поддерживать эти мероприятия.

35. В таком случае, когда СССР столкнется с мероприятиями, приемлемыми в принципе, в основном, но страдающими теми или другими недостатками, — делегация Советского Союза будет видеть и видит свою задачу в том, чтобы исправить эти недостатки, улучшить и укрепить мероприятия в пользу мира, чтобы достичь лучших результатов, более положитель-

ных результатов в этом важном деле, затрагивающем кровные интересы миллионов и миллионов людей.

36. В этих целях, при обсуждении настоящего вопроса в Политическом комитете, делегация Советского Союза внесла ряд поправок к проекту резолюции «семи»; одни из этих поправок были приняты, — к сожалению, их оказалось очень немного, — другие были отклонены. Вот эти поправки [A/1465 и A/1466] мы вновь представляем Генеральной Ассамблее, глубоко уверенные в том, что если проект резолюции «семи», представленный теперь уже от имени Политического комитета, будет принят Генеральной Ассамблеей без учета этих поправок, без внесения в проект «семи» соответствующих исправлений, то сама резолюция, с которой мы сейчас имеем дело, окажется не в состоянии обеспечить действительное укрепление мира, а, наоборот, останется чреватой серьезными опасностями для дела мира, даст таким образом не положительные, а скорее отрицательные результаты. Именно поэтому и требуется, повелительно требуется внести в эту резолюцию ряд тех поправок, на которых, в частности, настаивает делегация Советского Союза.

37. Но прежде чем перейти к анализу проекта «семи» с этой точки зрения, с точки зрения обнаруживания в нем, установления в нем тех недостатков, о которых я буду иметь честь дальше говорить, прежде чем перейти к защите наших поправок, — я считаю своим долгом остановиться на выступлениях некоторых, главным образом, авторов резолюции «семи», которые позволили себе в своих выступлениях, на мой взгляд, ряд недостойных, лживых и клеветнических выпадов по адресу моего Отечества — Советского государства. Причем, они сделали это в такой грубой и недопустимой форме, которую никак нельзя признать совместимой с провозглашенной ими самими задачей укрепления сотрудничества в пользу мира. Таким способом, конечно, нельзя достигнуть ни сотрудничества, ни, тем более укрепления мира. Чем больше вчера и сегодня говорили с этой трибуны, главным образом, авторы этого проекта и их единомышленники, тем все яснее и яснее становилось, что расточаемые ими речи предназначены лишь для того, чтобы фальшивыми фразами о мире и сотрудничестве прикрыть отказ от сотрудничества, свалив при этом ответственность за создавшееся, в силу таких обстоятельств, положение на Советский Союз и другие миролюбивые страны.

38. Еще раз, господа, подтверждаются слова Генералиссимуса Сталина, сказанные в октябре 1948 года о том, что «Вдохновители агрессивной политики Соединенных Штатов Америки и Англии не считают себя заинтересованными в соглашении и сотрудничестве с Советским Союзом. Им нужно не соглашение и сотрудничество, а разговоры о соглашении и сотрудничестве, чтобы, сорвав соглашения, взвалить вину на Советский Союз и доказать невозможность сотрудничества с Советским Союзом. Поджигатели войны, стремящиеся развязать новую войну, более всего боятся соглашений и сотрудничества с Советским Союзом, так как политика соглашений с Советским Союзом подрывает позицию поджигателей войны и делает беспредметной агрессивную политику этих господ». Вот буквально так получается и сейчас здесь, на нашем пленуме, в комитетах, на этой сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций.

39. Известно, например, что при обсуждении в Первом комитете проекта «семи», делегация Советского Союза и ряд других делегаций представили серьезные поправки к этому проекту. Известно также, что делегация Советского Союза и ряд других делегаций подвергли проект «семи» детальному анализу и критике. Но что же мы получили в ответ? Разве мы слышали от авторов резолюции что-либо в опровержение нашей критики? Разве нашим фактам и доказательствам были противопоставлены какие-нибудь другие действительные факты, обоснованные данные, то, что можно было бы назвать доказательством? Ничего подобного, нисколько!

40. За самым ничтожным исключением, — вот в этом отношении я выделяю, например, сегодняшнее выступление представителя Кубы, который сделал попытку проанализировать с точки зрения законности этот проект «семи», и это, конечно, представляет интерес, потому что есть тогда о чем нам поспорить, и будет всем видно, и всему миру можно показать, кто же прав в этом споре и кто неправ, на чьей стороне правда и право, на чьей стороне закон, и кто держится не за закон, а за произвол. Такой спор можно вести, и он будет полезен, если, опять-таки, подойти к этому делу свободно, а не так, как некоторые подходят, будучи связанными разного рода указаниями, которые они получили, всякого рода закулисными сделками, которые они заключили, для того чтобы действовать не так, как требуют этого их разум и совесть, логика и уважение к закону, — примеры этого мы уже видели здесь, — а так, как требуется в соответствии с теми сделками, которые заключены в разных коридорах, в разных «лобби», за кулисами.

41. Кроме заявлений некоторых ораторов, которые действительно пытались проанализировать положение, что-то доказать, обосновать свою позицию, а не просто браниться и клеветать, мы ничего здесь не встретили. В остальном мы ничего не встретили кроме клеветы, кроме инсинуаций и, что еще также требует быть особо отмеченным, фальсификации фактов, подделки фактов. Авторы проекта резолюции старались как бы перещеголять один другого в дерзости, развязности, грубости, к которым они прибегали и прибегают по нашему адресу, как бы стремясь оглушить слушателей шумом и грохотом своих речей и произвести хоть какое-либо впечатление на слабонервных людей. При чем поднимаемый этими господами шум, как правило, оказывается обратно пропорциональным их удельному весу в международных отношениях.

42. Здесь вчера открывал дебаты ген. Ромуло [299-е заседание]. Я на нем остановлюсь несколько секунд, потому что едва ли большего внимания Генеральной Ассамблеи заслуживает его выступление. Он потребовал не больше, не меньше как то, чтобы мы — Советский Союз — доказали, что наши предложения заслуживают доверия и что без этого доказательства господа филиппинцы, пожалуй, не станут обсуждать наших предложений и поправок и т. д.

43. Когда я слушал речи этого грозного вояки, филиппинского вояки, когда я услышал как он говорил об этом доверии, я невольно подумал о докладе американской комиссии Филиппин во главе с Беллом, который тоже говорил о доверии, но говорил, вернее, о недоверии, которое является всеобщим состоянием в

отношении населения Филиппин к филиппинскому правительству. Белл в своем докладе указывает, что это недоверие к способности правительства добиваться охраны интересов всего народа в Филиппинах, имеет и свою причину. И там прямо сказано, — я прошу иметь в виду, что я цитирую доклад американской комиссии Белла, который опубликован в «Нью-Йорк таймс» от 29 октября 1950 г., —

«Неспособность и даже продажность государственной службы широко распространены. Надежда филиппинского народа на то, что с приходом мира и независимости они смогут добиться экономического прогресса и повышения уровня жизни, — не была реализована. Ввиду ухудшения экономического положения имеется широко распространенное чувство разочарования. Большая часть сельскохозяйственных и промышленных рабочих не верит, что их экономическое положение может быть улучшено. Деловые люди боятся крушения пезо».

44. И вот при таких обстоятельствах министр иностранных дел Филиппин берет на себя смелость — вот с этой трибуны — выступать с речами о доверии, которое мы должны завоевать перед этим, так называемым, государством, уснащая при этом свою речь инсинуациями, бессмысленными вздорными вымыслами по адресу миролюбивых стран и народов. Больше, пожалуй, не следует уделять внимания этому, довольно неприличному, выступлению.

45. Следом выступил г-н Даллес [299-е заседание] — старый наш знакомый, который своим выступлением полностью оправдал уже твердо укоренившуюся, сложившуюся за ним репутацию: фальсификатора фактов и поджигателя войны. Г-н Даллес с самого начала своего выступления занялся немного историей. Он напомнил о том, что в 1935 году Муссолини захватил Эфиопию. Но он стыдливо умолчал, что аппетиты фашистских агрессоров в Европе — Гитлера и Муссолини — разыгрывались с каждым днем при явном попустительстве правительств США, Великобритании и Франции. В самом деле, что делали тогда, когда Муссолини оккупировал Эфиопию и насильствовал эфиопский народ? Что делали, я говорю, правительства этих трех государств? Они палец о палец не ударили, чтобы обуздать Муссолини и Гитлера, действовавших тогда заодно. Несмотря на то, что Советский Союз тогда поднял свой голос протеста против этой возмутительной, наглой агрессии, — три державы: США, Великобритания и Франция, — как я сказал, пальцем не пошевелили для того, чтобы остановить этого агрессора или прекратить эту агрессию и тем спасти эфиопский народ от тех мучений, страданий, которые ему причинила эта бесстыдная, фашистская, итальянская, муссолиниевская оккупация-агрессия.

46. Это было именно в то время — и тут я обращаюсь уже к выступлению г-на Йонгера [300-е заседание], хотя к Даллесу я еще вернусь, должен вас предупредить, — то время, когда Советский Союз добивался коллективного отпора фашистским агрессорам, и, когда именно, правительство вашей страны, г-н Йонгер, чемберленовское правительство и правительство тогдашней Франции — Даладьё, принимали все меры к тому, чтобы поощрять фашистские правительства к усилению их агрессивной деятельности и чтобы всячески помешать осуществлению тогда неоднократно вносившихся нашей делегацией в Лигу

Наций предложений об организации коллективного отпора, коллективной безопасности.

47. Г-н Даллес об этом всем не счел нужным напомнить. Это, конечно, понятно. Но г-н Даллес не напомнил о том позорном факте, что ведь никто больше Соединенных Штатов Америки не сделал для вооружения гитлеровских и муссолиниевских агрессоров. Ведь именно США помогли создать военно-экономическую базу германской агрессии и вооружили ее. И это уже, конечно, непосредственно касается и личной деятельности самого уважаемого поджигателя войны Джона Фостера Даллеса.

48. Кому не известна в этом деле вооружения гитлеровской военной машины, воссоздания ее и укрепления роль американских монополий? Например, химического концерна «Дюпон де Немур», являющегося одним из крупнейших акционеров автомобильного треста «Дженерал моторс»; или американской фирмы «Дженерал дайстофф», или треста «Стандарт ойл», заключившего в 1938 году договор с немецкой фирмой «Фарбен индустри», согласно которому «Фарбен индустри» получила участие в прибылях производимого в США авиационного бензина, причем эта «Фарбен индустри» отказалась от вывоза из Германии своего синтетического бензина тем более охотно, что запасы этого бензина Германия Гитлера накапливала тогда для военных целей.

49. Американские и германские капиталы тесно в то время переплелись, включая также и английский капитал. Примером этого может служить известный банк Шредера, в котором руководящую роль играл «Ферайнигте штальверке» — стальной трест, с центрами в Нью-Йорке и в Лондоне. Это особенно следовало бы помнить г-ну Даллесу, поскольку, как ему хорошо известно, в делах этого банка ведущую роль играл Аллен Даллес, директор лондонских, кельнских и гамбургских отделений в Нью-Йорке фирмы «И. Г. Шредер-Бэттинген корпорейшен», тот самый Аллен, брат Джона Фостера Даллеса, который под конспиративной фамилией «Бауллера» от имени правительства США в 1943 году, в разгар войны против Гитлера, вел в Швейцарии секретные переговоры с гитлеровским агентом, князем Гогенлоу. Об этих переговорах, весьма похожих на зондаж о заключении сепаратного мира, ничего не было известно, по крайней мере, Советскому Союзу, являвшемуся тогда боевым союзником Соединенных Штатов Америки, и, следовательно, такие переговоры, которые велись за спиной Советского Союза, имели весьма и весьма дурной запах.

50. Я должен здесь же напомнить г-ну Даллесу о той ведущей роли, которую играла известная г-ну Даллесу (я думаю, что она известна г-ну Даллесу) адвокатская фирма «Солливан и Кромвелль», которая возглавлялась никем иным, как самим Джоном Фостером Даллесом, нынешним членом американской делегации, нынешним советником государственного департамента США, человеком, которого рекомендуют и рекламируют, как истого христианина и принципиальнейшего миротворца.

51. Чем же замечательна была эта фирма? Я это дальше скажу. Раньше я напомню еще о том, что одновременно с англо-германо-американским банком Шредера германский стальной трест финансировал

в те годы один из крупнейших ньюйоркских банков «Диллон Рид энд компани», в числе директоров которого в течение ряда лет состоял бывший министр обороны Форрестол. Вся эта теплая компания в течение ряда лет помогала восстановлению гитлеровской военной машины, буквально оплодотворяя гитлеровский милитаризм золотым дождем американских долларов. Следовательно, ответственность за военную оккупацию, за агрессию Муссолини в Эфиопии, за захват Гитлером в 1938 году Австрии, а затем Чехословакии, за Мюнхен и за то, что Гитлер в конце концов, не без успеха стал развивать вторую мировую войну, продолжавшуюся 5-6 лет и поглотившую миллионы жертв, — должны нести раньше всего те господа, которые сейчас на себя напялили маску миротворцев и изображают из себя знаменосцев движения за укрепление мира.

52. Я хотел бы напомнить еще о некоторых фактах. Они, конечно, не представляли бы никакого интереса, если бы они только касались личности того или другого из здесь присутствующих людей и, в частности, г-на Даллеса. Но г-н Даллес является, если хотите, идеологом внешней политики США и, в силу этого, все, что он говорит и делает, говорит и делает правительство Соединенных Штатов Америки. И вот поэтому, и только с этой точки зрения все то, что я говорю, и представляет какой-нибудь интерес.

53. В 1939 году г-н Даллес выпустил книгу, которая по своему заглавию весьма похожа на книгу, выпущенную им в 1950 году. Если в 1950 году он выпустил книгу под заглавием War or Peace, то в 1939 году книга, принадлежащая его перу, носила название War, Peace and Change. Г-н Даллес в этой книге писал: «Было бы несправедливым — даже если бы практически это было осуществимо — заковать в цепи динамические народы и осудить их навсегда на принятие условий, которые оказались бы невыносимыми»⁶. Что это за динамические народы, и о ком это писалось? Это писалось о гитлеровской Германии и о муссолиниевской Италии!

54. Фирма Даллеса, как известно, подготовила устав американской фашистской организации «America First». Г-н Даллес был упомянут в числе лиц, финансировавших эту фашистскую организацию.

55. Когда в 1944 году говорили, что г-н Даллес может стать государственным секретарем, тогдашний демократический сенатор Клод Пешпер 10 октября 1944 года заявил: «Я потребую со всей энергией, на которую я способен, чтобы Сенат произвел расследование существующих связей и прежних контактов Джона Фостера Даллеса. Одной из заграничных связей г-на Даллеса, о которой, по моему мнению, американский народ имеет особенное право знать, является его связь с банковскими кругами, которые спасли Адольфа Гитлера от финансовой катастрофы и помогли нацистской партии в ее развитии. Интимная связь г-на Даллеса с силами, которые сделали возможным приход Гитлера к власти, должна быть одним из центральных пунктов расследования Сената».

56. Я не стану здесь цитировать и некоторые другие документы, в частности, статью американского журналиста Стон, который в 1949 году, когда г-н Даллес вы-

⁶ Dulles, J. P., War, Peace and Change, New York and London, Harper Brothers, 1939, page 48.

ступил со своей кандидатурой в Сенат, писал о Даллесе в газете «Дейли компас» довольно острые вещи, которые я не хотел бы здесь даже воспроизводить, потому что я и так уже сказал достаточно острых вещей о г-не Даллесе, чтобы он был доволен.

57. Я все это должен был напомнить г-ну Даллесу, и я бы этого никогда не сделал, если бы сам г-н Даллес не позволил себе спровоцировать меня на это откровенное объяснение. Вчера он заявил, что Советский Союз и Гитлер заключили пакт в 1939 году о разделе Польши. Это, конечно, клевета, и эту клевету очень нетрудно опровергнуть.

58. В самом деле, что происходило вообще в 1939 году? В 1939 году происходила чрезвычайно опасная игра, которую затеяли английское и французское правительства — под покровительством и поддержкой правительства Соединенных Штатов Америки — с гитлеровской Германией, с фашизмом, игра, смысл которой заключался в том, чтобы постараться, поддержав Гитлера в его воинственных замыслах, направить его усилия против Советского Союза. Эта игра выразилась, например, в том, что в то время, когда весной 1939 года велись переговоры в Москве с англо-французской военной делегацией, — в это же самое время английское и французское правительства — правительства Чемберлена и Даладье — вели закулисные параллельные переговоры с Гитлером.

59. 1939 год — это был год, когда для всех было очевидно, — более, чем когда-нибудь раньше до того в 1938, 1937, 1936, 1935 и даже 1933 гг., хотя и тогда это было достаточно очевидно, — что Гитлер готовится к агрессивной войне. И тогда Советский Союз принимал все меры к тому, чтобы предотвратить эту возможность, предлагая заключать всякого рода пакты о ненападении и поддержке, которые рушились, благодаря двуличной политике указанных уже мною правительств. Советский Союз был поставлен перед необходимостью думать самому о своей самозащите и о создании оборонительного фронта, того фронта, который мог бы представлять собой барьер против подготавливавшегося наступления Гитлера, агрессивные замыслы которого не трудно было уже тогда разгадать.

60. Когда Гитлер напал на Польшу и оккупировал Польшу и гитлеровские войска двигались по направлению к советской границе, Советский Союз 17 сентября 1939 года пошел навстречу гитлеровским полчищам и остановил Гитлера на той линии, которая примерно совпадала со всем вам известной линией Керзона.

61. 17 сентября 1939 года советское правительство заявило, — и это было совершенно справедливо, — что Польша, покинутая предательским правительством Бека, бежавшим и бросившим на произвол судьбы польский народ, стала в то время удобным полем для всяких случайностей и неожиданностей, могущих создать угрозу для Советского Союза.

62. В этом заявлении советское правительство говорило, что оно до последнего времени оставалось нейтральным, но что в силу указанных обстоятельств, а именно в силу того, что Польша была покинута своим правительством на произвол судьбы, — оно должно было прибегнуть к активным действиям, так как не могло больше нейтрально относиться к созда-

ющему положению. От советского правительства, естественно, нельзя было требовать безразличного отношения к судьбе единокровных нам украинцев, белоруссов, проживавших в Польше и раньше находившихся на положении бесправных наций, а теперь и вовсе брошенных на произвол судьбы. Советское правительство заявило, что оно считает своей священной обязанностью подать руку помощи своим братьям — украинцам и братьям — белоруссам, проживающим в Польше, и ввиду этого было отдано распоряжение главному командованию Красной Армии дать приказ войскам перейти границу и взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии.

63. Это был мудрый шаг, потому что он заложил фундамент того восточного оборонительного фронта, о котором я уже говорил и который помешал Гитлеру развязать войну в то время, в условиях весьма неблагоприятных для Советского Союза.

64. Конечно, не обошлось без того, чтобы этот факт не был использован врагами советского государства в разных странах для всякого рода враждебных выпадов, враждебной агитации. Но, однако, нельзя не отметить, что даже такие враждебно настроенные к советскому правительству политические деятели, как например Уинстон Черчилль, правильно поняли тогда важность этих мероприятий с точки зрения интересов безопасности государств, которые вели уже в то время войну против гитлеровской агрессии.

65. Я должен напомнить, что 1 октября 1939 года Черчилль, занимавший тогда пост военно-морского министра, выступил по радио с речью, в которой, разумеется, — нельзя иного и ожидать от Черчилля, — не обошелся без ряда враждебных выпадов против Советского Союза. Но в то же самое время, говоря об этом мероприятии, о создании линии восточного фронта, он сказал буквально следующее (я его цитирую): «То, что русские армии должны были находиться на этой линии, было совершенно необходимо для безопасности России против немецкой угрозы. Во всяком случае, позиции заняты, и создан восточный фронт, на который нацистская Германия не осмелится напасть».

66. Это была грубая ошибка Черчилля, потому что Гитлер через два года показал, что он осмелился напасть и напал на нашу страну. Безусловно, что Черчилль правильно оценил громадное, мировое стратегическое значение той линии, которую мы тогда создали на Востоке, заняв ту часть Польши, которой угрожала опасность со стороны гитлеровских войск и оккупации которой помешало присутствие на этой линии советской армии. Черчилль говорил: «Когда фон Риббентроп был вызван на прошлой неделе в Москву, то это было сделано для того, чтобы он ознакомился с этим фактом и признал, что замыслам нацистов в отношении балтийских государств и Украины должен быть положен конец».

67. Неужели Джон Фостер Даллес настолько невежественный человек, что он всего этого не знает? Неужели он здесь в первый раз слышит о том, что Черчилль это именно так и оценил, а ведь Черчилль должен быть для него довольно авторитетным человеком. Как же можно, я спрашиваю, при честном отношении к делу, при всем уважении к этому собра-

нию, при уважении к самому себе, при таких обстоятельствах говорить то, что позволил себе вчера сказать Джон Фостер Даллес, что Советский Союз в 1939 году заключил с Гитлером пакт о разделе Польши?

68. Нами был заключен пакт с Гитлером о ненападении в августе 1939 года, но этот пакт есть наше общее спасение, ибо он оттянул нашу войну с Гитлером на полтора года, он позволил нам вооружиться, он позволил нам восполнить те недостатки в обороне нашей страны, которые у нас тогда были, помог нам превратиться в грозную силу, которая могла сокрушить и сокрушила несокрушимые как будто бы армии Гитлера, рассеяв иллюзию о непобедимости гитлеровских войск.

69. Американская делегация должна, конечно, помнить случай в Арденах, когда наши усилия спасли армию Эйзенхауэра, о чем я тоже могу привести соответствующие документы и напомнить их текст, если бы здесь на этот счет зашли бы какие-нибудь разговоры.

70. Поэтому я и отметил, что то, что здесь говорил г-н Даллес, является самой жалкой фальсификацией истории, самой жалкой подделкой фактов, которая может быть объяснена только одним его неутолимым стремлением, неутолимой жаждой разжечь вражду и ненависть к Советскому Союзу. Поколебать доверие к нашим усилиям наладить пути мирного сотрудничества между теми странами, которые могли найти эти пути во время войны для боевого сотрудничества. Этой же цели, конечно, служат неудачные примеры, на которые ссылался в своей вчерашней речи г-н Даллес, вплоть до передовицы «Известий» от 1 января, передовицы, которая действительно констатирует рост лагеря борцов за мир, за демократию. Передовая в «Известиях» не будет писать то, что хочется Даллесу. Этого не было, нет и не будет! Эта газета будет писать то, что соответствует чаяниям, надеждам, взглядам и стремлениям советского народа, который стремится к миру; и она будет писать о мире и будет разоблачать войну, и будет разоблачать поджигателей войны, и будет радоваться со всеми честными людьми — а таких миллионы и миллионы во всем мире — каждому успеху борьбы за мир, за настоящий мир, а не за поддельный мир, который вы здесь проповедуете и в то же самое время оттачиваете ножи для удара в спину.

71. Рост сил мира пугает поджигателей войны, врагов мира, которые рассчитывают обманом, клеветой, разжиганием ненависти к миролюбивым народам остановить этот рост, угрожающий сорвать любые агрессивные планы.

72. Организаторы англо-американского блока, выступавшие вчера и сегодня со злобными речами против Советского Союза и стран народной демократии, старались создать впечатление, что они ставят своей задачей организовать для того, чтобы дать отпор возможному агрессору. Они ссылаются при этом на различные примеры — от Греции до Кореи.

73. О Греции мы говорили много на прошлых сессиях. О Корее мы тоже говорили достаточно. Но я бы сказал, что нельзя же, в конце концов, терять всякий стыд. Ведь когда вы подняли крик об агрессии в Северной Корее и когда правительство США использова-

ло события в Корее для того, чтобы организовать и осуществить вооруженную агрессию американских войск в Корее, когда здесь этот вопрос обсуждался и мы требовали, поддерживая требование правительства Корейской Народно-Демократической Республики, приглашения сюда их представителей для объяснения, то вы ведь отвергли это предложение.

74. Вы хвалитесь, что 25 июня это чуть ли не день Воскресения Христова, что это величайшая дата, когда совершился переворот, когда немощный Иов встал и пошел, и понес свой одр, когда парализованный встал и пошел по одному только распоряжению, которое он получил из Белого дома. Но ведь когда вам предлагали вызвать раньше этого «обвиняемого», так сказать, и предъявить ему это обвинение, и спросить его объяснения, а тогда лишь принимать решение, — то вы же отказались это сделать. Почему? Потому что вы боялись и продолжаете бояться света правды, дневного света! Поэтому вы не смеее прикаснуться к тем документам, которые мы положили перед вами, обвиняя вас в фальсификации фактов и в этом деле.

75. Мы представили данные, мы представили письма, мы представили планы, — вы же ни звука не проронили по этому поводу. Вы даже не посмели посмотреть в глаза тем людям, которых вы обвиняете в организации агрессии в Северной Корее. Как же вы после этого смеее здесь, за их спиной, пользуясь тем, что не все, может быть, в курсе этих ваших шапней и махинаций, — как же вы позволяете себе вновь и вновь повторять здесь эти сказки об агрессии со стороны Северной Кореи, как доказательство, к тому же, того, что с Советским Союзом нельзя, в сущности говоря, разговаривать, потому что он, мол, тут стоит где-то за спиной и что-то знает?!

76. Представленные факты и доказательства не были опровергнуты, ибо нельзя считать ведь опровержением голословное отрицание, истерическое отрицание. И теперь они все-таки позволяют себе говорить то, что они говорят! Вот что, например, ген. Ромуло говорил: Греция, Берлин — я не знаю, он назвал чуть ли не все страны мира, которые ему известны — все это, в доказательство чего? Нашей агрессии! Как будто наши войска воюют во всех странах! Как будто мы построили по всем уголкам земного шара огненное кольцо этих баз — военно-морских, военно-воздушных и прочих военных баз! Как будто мы ведем бешеную гонку вооружений, каждый день нагоняя новые и новые миллиарды расходов за счет налогоплательщиков, американских простых людей! Как будто мы действительно не хотим запрещать атомную бомбу, хотя вы в вашей резолюции, господа авторы этой резолюции, даже не поставили вопроса о том, что необходимо добиться запрещения атомной бомбы!

77. Вы записали, что нужно установить международный контроль, дабы осуществить *эффективное* запрещение атомной бомбы. Но как же можно добиться через какой-то контроль запрещения атомной бомбы, если нет самого запрещения? Как можно добиться установлением контроля того, чтобы соблюдалось такое-то правило, когда нет этого правила? Как можно добиться, чтобы соблюдалось такое-то постановление, когда нет этого постановления?

78. И когда мы бьемся вот уже какой год, — пятый, пожалуй — над тем, чтобы одновременно вынести

постановление о запрещении атомной бомбы, о запрещении пользования атомной бомбой, и одновременно же вынести постановление об организации международного контроля над исполнением этого запрещения, то с нами не соглашаются. Говорят — «нет», придумывают всякого рода крючкотворские формулы для того, чтобы обойти как-нибудь это прямое предложение о том, что надо запретить, безусловно запретить атомное оружие и одновременно установить международный строгий эффективный контроль над выполнением этого запрещения. Мы вносили поправки в Первый комитет и говорили: «Вы в своей резолюции говорите так. Мы согласны с этим, готовы поддержать это, но мы требуем, чтобы было установлено также еще и запрещение атомного оружия». Но вы не хотите этого. Мы спорим с вами по этому поводу.

79. И при этих условиях позволяют себе здесь с такой развязностью разговаривать о том, что, дескать, у Советского Союза слова расходятся с делами, что Советский Союз предлагает какие-то мероприятия коллективной безопасности, но, как здесь заявил г-н Йонгер [300-е заседание], Советский Союз не желает коллективной безопасности! Я уже показал на истории нашего и вашего государств, нашей и вашей внешней политики, кто из нас желал этого в прошлом и кто не желал, кто желает сейчас и кто не желает. Мы не желаем коллективной безопасности, а англичане, оказывается, желают! И после этого, какое вы имеете право претендовать на то, чтобы кто-то вам доказывал свою правоту и искренность, чтобы вы поверили?

80. Когда в 1933 году наша делегация в Лиге Наций вносила неоднократно одно за другим предложения по организации коллективной безопасности, — разве вы в Риме в то же время вместе с Францией не подписали с гитлеровской Германией пакт о сотрудничестве, пакт соглашения о сотрудничестве? Разве этот пакт не означал створ ваших правительств с правительствами Муссолини и Гитлера? Разве не означал этот факт отказа от политики укрепления единого фронта миролюбивых держав против агрессивных государств? Разве этот пакт не явился ударом по коллективной безопасности? А англо-германское морское соглашение 1935 года, подписанное в Лондоне, по которому Гитлер тогда получил право строить подводные лодки с общим тоннажем, равным тоннажу всего французского подводного флота?

81. История повторяется. Под маской мероприятий по коллективной безопасности идет, по существу, работа, направленная против мира и безопасности. И мы считаем необходимым об этом сказать всем, ибо предложения, содержащиеся в резолюции «семи» не являются действительно мерами, обеспечивающими коллективную безопасность или направленными на ее обеспечение. В действительности, ссылки на коллективную безопасность служат только прикрытием военных планов. Конечно, это совершенно несовместимо с задачей организации коллективной безопасности.

82. Нельзя в этой связи не сказать и о другом обстоятельстве, — весьма важном, — которое, по-моему, определяет источник всякого рода разногласий в этом деле. Это вопрос весьма важный — о характере внешней политики тех или других государств, тех или других правительств.

83. Вот выступавший здесь до меня делегат Кубы пытался доказать, как многие другие, что все дело в вето, в этом принципе единогласия, что если бы устранить этот принцип единогласия, вычеркнуть его из Устава или даже оставить его в Уставе, чтобы он гнил, так сказать на корню, но не пускать его в ход, а взамен этого создать другие органы или передать другим существующим органам те полномочия, которые имеет Совет Безопасности, — то тогда все будет в порядке. Но это, господа, наивное рассуждение, наивное, потому что дело ведь в том, что принцип вето не является сам по себе источником разногласий. Он является только лишь инструментом, при помощи которого пытаются эти разногласия урегулировать.

84. Источником разногласий является что-то другое. Что же? Самая внешняя политика, самые направления внешней политики; те принципы, на которых она стоит; те цели, которые она преследует; те задачи, которые она решает. Если направление внешней политики у некоторых постоянных членов Совета Безопасности будет одно, а у других постоянных членов Совета Безопасности будет другое, то будет ли вето или не будет вето — разногласия все равно останутся. Следовательно, если даже передать эти вопросы другому органу, который не будет иметь принципа и правила единогласия и который поэтому сможет найти решение большинством против меньшинства, — то разве это исчерпает разногласия, разве это устранит препятствия к сотрудничеству, разве это устранит опасность осложнений, в особенности тогда, когда эти разногласия будут глубокими, касающимися важных вопросов, когда это будут разногласия между большими, сильными, могущественными державами?

85. Стеттиниус, государственный секретарь Соединенных Штатов Америки, в июле 1945 года в своем докладе в комиссии Сената США справедливо указывал, что принцип единогласия не дает и не создаст никаких привилегий для той или другой великой державы, ибо и без этого принципа и правила единогласия в руках этих великих держав раньше всего и больше всего — прошу меня правильно понять — находится судьба мира и судьба войны. И если не будет согласия между великими державами по основным вопросам организации международных отношений, то будет ли Генеральная Ассамблея решать эти вопросы без права вето, будет ли решать Совет Безопасности с правом вето, — все равно будет угрожать опасность миру, проистекающая из отсутствия согласованности между великими, сильными державами, которые, по словам Стеттиниуса, держат в своих руках судьбу мира и судьбу войны и которым, судьбой их положения, предназначено или вместе идти по дороге мира, или врозь идти по дороге войны.

86. Независимо от того, будет ли это там решаться или здесь, если останутся коренные разногласия между основными ведущими государствами, то при тех условиях, о которых говорил в своем докладе государственный секретарь Стеттиниус, разве это будет укрепление мира, разве это будет гарантия мира? Гарантия мира лежит в основном — в устранении коренных разногласий в самой политике.

87. Когда политика Соединенных Штатов Америки шла так называемым старым курсом, у нас находился общий язык, потому что и там были стремления к

сотрудничеству и миру, и здесь были стремления к сотрудничеству и миру. Когда же до-Рузвельтское правительство в течение семнадцати лет не признавало Советский Союз, мы всегда находились в состоянии опасения более серьезных осложнений, чем непризнание нашего юридического и фактического существования. Когда Франклин Делано Рузвельт проявил инициативу в том, чтобы установить с нами дипломатические отношения, установить и ввести эти отношения в русло нормальных дипломатических условий, то наступил период, когда обрушилась на мир опасность, которая поставила плечом к плечу три великие державы. Я, по крайней мере, могу сказать за мое Отечество, за мою Родину, что она не пощадила ни своих сил, ни своих средств для того, чтобы добиться сокрушения врага в наших общих интересах, интересах всего человечества и что она заплатила высокую цену, но она ее честно внесла в общую сокровищницу общего блага народов.

88. Но с окончанием войны появился новый курс, в основе которого лежит опасная и ложная предпосылка, что международные отношения можно построить на основе диктата, с предъявлением требований, нажима, каприза, как это мы видели здесь. И мы часто встречаемся с такого рода фактами, когда этот старый курс подкреплен еще ложными принципами жестокого обращения с Советским Союзом, причем жесткость выражается в том, что предъявляются требования и не желают даже их как следует обсудить с учетом взаимных интересов, на основе взаимного уважения между суверенными, равными между собой государствами. В таких случаях, конечно, опасность всякого рода осложнений будет всегда. Следовательно, надо понять, что дело заключается в основных принципах, направлениях внешней политики того или другого государства.

89. Какова же внешняя политика Соединенных Штатов Америки? Я в Первом комитете немало привел примеров для того, чтобы показать, что эта политика исходит, к сожалению, из ложных предпосылок, которые в высокой степени отрицательно влияют на международное положение. Это то, что проповедают, главным образом, идеологи этой американской внешней политики нового жесткого курса г-н Ачесон и г-н Даллес, а может быть, даже скорее всего — г-н Даллес, а затем уже г-н Ачесон. Впрочем, это их внутреннее дело, и я во внутренние дела не вмешиваюсь.

90. За последнее время эти цели достаточно отчетливо сформулированы опять-таки г-ном Даллесом в его книге «Война или мир». Эта книга интересна именно с той точки зрения, что в ней заговорил дипломат, который решил не скрывать своих мыслей, хотя он, вероятно, сам недостаточно осознал, что им руководило именно это главное начало, главные мотивы. Он говорил, например, такую вещь: «Должен ли район, — пишет г-н Даллес в своей книге «War or Peace», — население и ресурсы которого дают право быть великим источником силы, оставаться источником слабости лишь потому, что переход к состоянию единства безпричинно пугает некоторые влиятельные группы»⁷.

91. Значит, смысл внешней политики США, по Даллесу, это стремление перейти к единству, к со-

стоянию единства всех государств. Но что же это за переход к единству? И что это за район? Это будет видно из дальнейших разъяснений. Даллес пишет: «Как мы уже отмечали, роскошь «независимости» становится все более дорогостоящей, ввиду того, что отдельные западно-европейские государства, потеряв свои иностранные капиталовложения, свои восточные колонии и торговлю между Востоком и Западом Европы, — являются менее самообеспеченными, чем когда-либо прежде»⁸.

92. Это, конечно, совершенно откровенное утверждение о том, что, в сущности говоря, поле, дорога, пути расчищены для мирового господства Соединенных Штатов Америки за счет суверенности других государств, которые умудрились потерять свои капиталовложения, свои колонии, свою торговлю, а Соединенные Штаты Америки это все не потеряли. Они держат ключи от этих интереснейших замков в своих руках. Им мешают роскошь независимости отдельных государств. (Можно слева направо перечислить всех по алфавиту или справа налево — это и будет объект вожеланий американской внешней политики).

93. И вот, что же делать при таком положении, когда суверенные государства обанкротились, когда они, в сущности говоря, являются приманкой для каких-то других районов силы, которые обладают всеми средствами для того, чтобы эту силу привести в движение. Что же делать? В этих условиях, в отношении этих отдельных западных государств, про которые говорит Даллес, как раз такой и должна быть политика Соединенных Штатов Америки.

94. Вы думаете, что здесь автор этой книги оставляет что-то неясное? Я рекомендую вам обратиться к этой книге. Вы тогда увидите, что он говорит дальше. Он говорит вот что — я цитирую: «Соединенные Штаты ныне имеют возможность (это написано в 1950 году, вот теперь, накануне, можно сказать, нашей пятой сессии) мирным путем осуществить то, что, по признанию всех западных лидеров, независимо от их национальной или партийной принадлежности, должно быть сделано, но что не будет сделано, если не будет оказан дружеский, но твердый нажим извне. Соединенные Штаты, пишет далее Даллес, могут и должны воспользоваться этой возможностью и оказать такой нажим. Мы имеем на это право, потому что по просьбе Европы мы внесли огромный вклад в Западную Европу... Мы не только имеем моральное право, — говорит Даллес, — мы не только обладаем опытом, мы не только имеем достойную причину, но мы и несем ответственность»⁹.

95. Вот вам философия внешней политики Соединенных Штатов Америки! Первый пункт: Отрицание суверенных прав государств на свое суверенное существование, ибо они, в конце концов, себя не оправдали в ходе мировой истории. Но-вторых: Наличие такого района, который обладает силой для того, чтобы осуществить то, что требует жизнь, т. е. объединить все эти государства. Это же и есть мировое господство. В третьих: Соединенные Штаты могут — и теперь пришло время, говорит Даллес — все это

⁷ См. Dulles, J. P., War or Peace, New York, The Mac-Millan Co., 1950, стр. 214.

⁸ Там же.

⁹ Там же, стр. 214, 215 и 217.

сделать. Могут это сделать, конечно, дружески... Но мы знаем, зачем внесено это слово «дружески».

96. Акт «мирный». Какой же это мирный, дружеский акт, если говорится, что он связан с необходимостью сделать нажим. Что такое «нажим»? Испытывал ли когда-нибудь г-н Даллес, что такое «нажим»? Со стороны своих друзей? Вероятно, не испытывал, если он думает, что твердый нажим извне может быть совместим с дружеским отношением к тому, на кого извне нажимают. Нажим сделать — это значит оседлать. Оседлать одного своего друга, а мало одного — можно и другого, соседнего! И он, г-н Даллес, говорит, что США на это имеют право! Какое именно право? А потому, говорит, что мы внесли в Европу громадный вклад: план Маршалла, всякого рода другие средства, так называемой, помощи — это и есть то, что дает право внешней политике США пойти по направлению, так сказать, снятия той жатвы, которая выросла на почве, оплодотворенной этими подачками, — при помощи нажима.

97. Чтобы было еще более ясно, г-н Даллес сравнивает США в этой книге с банкиром, который ссужает деньгами погорельцев. Вот вы все, господа, погорельцы, которые получают от США помощь по плану Маршалла. Даллес вас в этой книге называет погорельцами. Банкир, говорит он, требует гарантий, что долг будет возвращен, что деньги не пропадут. Банкир был бы, пишет Даллес, морально осужден, если бы он финансировал восстановление зданий, являющихся опасными для живущих в них. Вы не знали этого? Вот вы живете и получаете маршаллизованную помощь в зданиях, опасных для вашей жизни. И вот пришли спасители. А идеологом этих спасителей и программы является г-н Даллес. Он рассуждает как банкир. Мы знаем в литературе прекрасный образ такого банкира, который рассуждает именно так, чтобы не быть морально осужденным, он требует уплаты не только долга, но и процентов. Да каких процентов? Это шекспировский Шейлок, который требует — «фунт мяса, живого мяса требует со своего должника».

98. Заканчивает эту главу Даллес без всяких аллегорий. Все аллегории уже устранены. Он прямо заявляет, что «США в нынешнюю программу помощи Западной Европе должны включить функции, — я цитирую дальше, — которые побудят западноевропейские народы восстанавливаться в такой форме, которая позволит использовать огромные потенциальные возможности и содействовать делу мира и благосостояния»¹⁰.

99. Пришли опять-таки к фразам о мире, о благосостоянии, о сотрудничестве, о дружбе, о мирных способах после того, как ясно объяснили, как собираются нажать для того, чтобы выжать уплату тех долгов, которые охотно вложили капиталисты и монополии США в хозяйства других государств, утонувших в этих подачках и утопивших в них свой государственный суверенитет. Вот вся суть, весь смысл, все идеи внешней политики США, — политики, которую нельзя назвать иначе, как политика силы, или того «дружества» и нажима, о котором говорит Даллес в цитированном выше отрывке из его книжки под претенциозным названием «Война или мир».

100. С точки зрения принципов, лежащих в основе этой политики США, теперь и можно подойти к анализу того, что собой представляет резолюция «семи», которую нам здесь предложили. Основной причиной появления проекта резолюции «семи», если послушать авторов этого проекта, является положение, создавшееся в настоящее время в Совете Безопасности, которое здесь характеризуется как паралич Совета Безопасности.

101. Они говорят о параличе Совета Безопасности на том основании, что в ряде случаев в Совете Безопасности англо-американской группе не удалось протолкнуть решения в своих интересах, вопреки интересам, целям, задачам и принципам Организации Объединенных Наций.

102. Так было, например, при рассмотрении в Совете Безопасности греческого вопроса, вопроса, связанного с клеветническим обвинением Болгарии, Венгрии и Румынии в нарушении якобы прав человека, важного вопроса о приеме новых членов, испанского вопроса и ряда других вопросов. Всякий раз попытки добиться в Совете Безопасности принятия незаконных, несправедливых, тенденциозных постановлений терпели крах, вследствие последовательной и стойкой защиты своей позиции представителем Советского Союза.

103. В своей книге, о которой я уже говорил, «Война или мир», Даллес откровенно заявил буквально следующее в этой связи: «Вето мешало Совету Безопасности делать то, что мы хотели и чего Советский Союз не хотел». Он добавляет — «следовательно, вето должно быть ликвидировано»¹¹.

104. Это важное признание. Оказывается, вся беда в том, что вето мешает США делать то в Совете Безопасности, что они хотят, и поэтому, говорят, вето надо ликвидировать. Это очень просто, это очень ясно, это очень логично с точки зрения интересов США или, вернее сказать, правящих кругов США, — ибо я различаю и то и другое.

105. Но Даллес говорит, что ликвидировать вето — принцип единогласия — не так-то просто. Кроме того рискованно, так как вето может пригодиться самим Соединенным Штатам Америки, и приводит пример: Панамский канал. Вам, вероятно, все это уже известно.

106. Таким образом, оказывается, что вся беда в том, — и в этом заключается паралич Совета Безопасности, — что Совет не идет на поводу одной группы государств, которая претендует там на монопольное руководство. Претендуя на монопольное руководство, эти государства претендуют на то, чтобы все, что они требуют, выполнялось. Чтобы все проекты предложений, которые они вносят, принимались. И если они натываются на сопротивление какого-нибудь государства, будь ли это Советский Союз или будь это какие-нибудь другие государства, как это было в случае с Генеральным Секретарем, когда четыре государства хотели и поддерживали одну кандидатуру, а Соединенные Штаты капризничали, говоря, мы не хотим никакой другой, — то в таком случае, говорят они, вето надо устранить, оно мешает.

107. Это же сказано не мною. Это ясно написано на странице 194 английского текста книги Даллеса.

¹⁰ См. Dulles, J. F., War or Peace New York, The MacMillan Co., 1950, стр. 217.

¹¹ Там же, стр. 194.

Ну я хотел бы, чтобы Даллес выступил здесь и сказал: вот на странице 194 текста, который вы цитировали, ничего подобного нет. Я ничего подобного не говорил, я ничего подобного не писал! Он же этого не может сказать. Вот он на меня смотрит, и я на него смотрю. И я говорю, что он не посмеет этого сказать. Потому что это действительно написано там. Там написано буквально так: вето мешало Совету Безопасности делать то, что мы хотели и чего Советский Союз не хотел. Следовательно, вето должно быть ликвидировано. Вот вам вся философия, вся логика.

108. Но ликвидировать вето, как он же сам говорит, не так просто, и нам самим оно может понадобиться — ну, хорошо, сегодня так складывается, что у нас большинство, а завтра вдруг дело повернется иначе. Что тогда? И вето уже не будет, а оно нам нужно. А Панамский канал? А еще там всякого рода случаи, которых у вас немало в вашем, так сказать, agenda — порядке дня. И вето поэтому нужно придержать. Но рядом с этим надо, конечно, вето как-нибудь заблокировать. И вот метод блокирования вето и есть те мероприятия, которые предлагается вам принять в резолюции семи делегаций.

109. Сначала искали способ обойти Совет Безопасности, изобретя Межсессионный комитет. Это дело не удалось. С Межсессионным комитетом песня как будто спета. Теперь ищут другой способ и находят — Генеральная Ассамблея. Но как же это нужно сделать? Нужно к чему-то придраться. Изобрели паралич Совета Безопасности, — паралич, который сами создали, паралич, который заключается в том, что дескать Совет Безопасности не выполняет своих функций. И вот здесь находятся даже такие юристы или не юристы, во всяком случае, истолкователи Устава, как например, представитель Кубы, который заявлял не больше и не меньше, как то, что под функциями, которые указываются в Уставе, разумеют деятельность, какую-то деятельность, а вот, если кто-то (понимай: Совет Безопасности) ничего не делает, то в таком случае он не выполняет своих функций.

110. Но позвольте, давайте разберемся в этом деле. Действительно статья 12 говорит, что в то самое время, когда Совет Безопасности выполняет свои функции, то Генеральная Ассамблея не имеет права делать рекомендации по данным вопросам. Отсюда делается вывод, что, значит, Совет Безопасности должен что-то делать. И это совершенно верно. Должен делать. Но что же он должен делать?

111. Давайте рассмотрим Устав. В главе V Устава есть специальные статьи, которые так и называются в особом разделе: «Функции и полномочия Совета Безопасности». Функции Совета Безопасности — статьи 24, 25, 26 — все статьи до раздела «Голосование» т. е. до статьи 27. Вот вам три статьи. А кроме того, поскольку в статье 24 говорится о главах VI, VII, VIII и XII, то и эти главы тоже касаются вопроса о функциях. Все, что здесь изложено — это есть функции, и нечего тут что-либо гадать и выдумывать, как это пытался делать уважаемый кубинский делегат. Функции определены Уставом. Что же это за функции? Ну это функции — быстрые и эффективные действия, это рассмотрение вопроса о споре, который возник между государствами, или о какой-нибудь ситуации, расследований, рекомендации тех или других мер, изучение этих вопросов, принятие мер, которые могли

бы устранить опасность этой ситуации и т. д. Вот это все его функции.

112. Так как же вы теперь будете рассуждать? Совет Безопасности рассматривает вопрос относительно агрессии. Допустим государство А жалуется на государство В. Три государства в Совете Безопасности считают, что А есть агрессор по отношению к В. А два государства считают, что В есть агрессор по отношению к А. И вот этот вопрос никак не могут эти члены Совета Безопасности разрешить. Я вас спрашиваю: «Функции свои Совет выполняет или нет?» Мне говорят: «нет не выполняет, потому что он не признал агрессором ни то, ни другое». Но, позвольте, моя функция заключается не в том, чтобы во всех случаях обязательно признать агрессию. Может быть, кто-нибудь говорит «агрессор», а в это время вообще нет никаких оснований для того, чтобы говорить об агрессии. Может быть кто-нибудь обвиняет государство X в агрессии, а в действительности нет никаких оснований, даже признаков того, что государство X является агрессором. Но одно или два государства в Совете Безопасности настаивают, что именно X есть агрессор, а остальные не соглашаются с этим или один из остальных, в силу предоставленного ему права, не соглашается, что есть агрессия.

113. Значит, — рассуждают кубинский делегат и его коллеги, — Совет Безопасности в параличе, в бездействии. То-есть, иначе говоря, вот вы, большинство, согласны с этой резолюцией, а вот несколько делегаций, — я в том числе, — не согласны. Так вы что же, скажете, что я бездействую, когда я возражаю против вас? Что же вы скажете, что я не выполняю своих функций члена Генеральной Ассамблеи, когда я возражаю против вас? И вы скажете, что только вы выполняете свои функции, потому что вы отстаиваете ту резолюцию, которую вы хотите во что бы то ни стало провести, хотитет, чтобы она во что бы то ни стало была признана здесь.

114. Разве это логика? По-моему кубинский делегат запутался очень основательно. Ему не помог распутаться и профессор Кельсен. Я понимаю так, что, конечно, целью всякого отправления своих функций должно быть осуществление тех задач, которые стоят перед органом, наделенным этими функциями, призванным выполнять эти функции. Это бесспорно так. Однако цель достигается не только устранением наличия угрозы, скажем, агрессии, когда вопрос стоит об этом, а цель достигается и тогда, когда не признается никакой угрозы. Известно, функции выполняются. Следовательно, от того что Совет Безопасности не признал в том случае угрозы, когда кто-то другой хотел признать, — это еще не решает вопроса о том, что Совет Безопасности находится в параличе, что он бездействует, что он не выполняет своих функций. Функции он только тогда выполняет, говорите вы, когда он признает начало агрессии. А если он не признает? Тогда надо сказать так: Совет Безопасности выполняет свои функции лишь тогда, когда он делает так, как хочет большинство. А где это написано? Когда в самом Уставе написано, а именно в пункте 2 статьи 27, что любой постоянный член Совета Безопасности имеет право не согласиться с большинством и тогда нет решения. Следовательно, это надо отметить, если вы не считаете это подходящим. Но пока действует это правило, благоволите ему подчиняться,

не смейте его ломать, не смейте его ликвидировать, прибегая ко всякого рода искусственным способам и совершенно непонятным рассуждениям, вроде того, какие нам представил здесь уважаемый кубинский юрист.

115. Таким образом я прихожу к тому заключению, что самый диагноз болезни Совета Безопасности поставлен неправильно, ибо, в сущности говоря, в том, в чем видят болезнь — паралич — нет болезни, нет паралича. Там, где видят отсутствие функций, нет отсутствия функций, ибо моя функция заключается не в том, чтобы обязательно принимать решение большинства, как бы, может быть, это и ни оправдывалось доводами, которые имеет это большинство, а в том, чтобы рассмотреть ситуацию и принять то или другое решение по вопросу, есть ли агрессия или нет агрессии. Если есть — принять меры борьбы. Если нет — то, значит, нечего и предпринимать!

116. И, если г-ну Пирсону, г-ну Остину, г-ну Йонгеру и другим еще делегатам, кубинцу, уругвайцу, филиппинцу обязательно хочется этого в данном случае, а я не вижу добросовестных оснований для того, чтобы признать эту агрессию, и некоторые другие не видят этого, то тогда, какое же вы имеете право требовать, чтобы обязательно то, что бы признаете, было признано правильным, а то, что признают другие, было признано неправильным, если в законе имеются основания, которые позволяют мне высказывать свое свободное мнение, и если высказывание противоположного мнения по закону лишает возможности принять положительное решение или отрицательное решение, требуемое большинством. Следовательно, вопрос о функциях привлечен совершенно нестати.

117. Теперь понятно это их желание обойти этот самый принцип единогласия, — вето — желание во что бы то ни стало поставить дело в такое положение, когда достаточно было бы проголосовать большинством голосов, чтобы даже незаконное стало законным.

118. Это мы видели в вопросе вчера, например, с Генеральным Секретарем. Никто не мог доказать, что то, что большинство вчера постановило, соответствует закону [298-е заседание]. Люди разных позиций подошли к этому вопросу, люди разных политических направлений, — и австралийская и арабские делегации, в частности, сирийская делегация и советская делегация. Я знаю, что еще кое-кто и другой то же самое в частной беседе говорил, что это незаконное решение. Но на нет, говорят и суда нет.

119. Так вот вы хотите перетащить теперь центр тяжести в вопросе о борьбе за вето туда, где вы ничем не связаны, кроме вашего большинства, которое у вас в руках, и этим большинством распоряжаться так, как вы хотите, и при этом ни с чем не считаться. И вам поэтому нужно во что бы то ни стало провести то решение, которое вам поможет осуществить это, как бы оно ни было незаконно.

120. Что оно незаконно, едва ли об этом можно иметь два мнения. Вы утверждаете здесь, что, в сущности говоря, те мероприятия, которые намечены в проекте резолюции, вовсе не изменяют Устава. Господа, нельзя же представлять себе весь окружающий мир наивным. Вы ведь так говорите, потому что вы ничего другого не можете сказать, ибо иначе вы обязаны были бы применить статью 109 Устава. Но,

позвольте, если бы вы применили эту статью, если бы вы даже подумали о ней, то вы должны были бы заметить, что в статье 109 говорится: «Любое изменение настоящего Устава, рекомендованное двумя третями голосов участников конференции (которую вы должны созвать), вступит в силу по ратификации...» и т. д. Вот там есть опасный момент. Если бы этого в 109 статье не было, вы наверно пошли бы на то, чтобы это изменение провести порядком, установленным в 109 статье. Но вы наткнетесь здесь опять-таки на правила, которые не дадут вам возможности осуществить ваш маневр. Вы просто не хотите прибегать к этой статье и говорите: «никаких изменений нет».

121. Возьмем некоторых беспристрастных людей, — как они на это смотрят. Возьмем, скажем, журнал «Ньюсуик». Но как раз 18 сентября этого года, накануне выступления Ачесона здесь [279-е заседание], «Ньюсуик» напечатал статью, в которой излагается план, нашедший полностью свое отражение в проекте резолюции «семи». Вполне естественно, что здесь главным руководителем был государственный департамент США, и он подготовил эту резолюцию, и вы ее поддерживаете.

122. В статье указывается, что США, представляя этот план Ассамблее, исходят из того, что ситуация требует принятия скорее драматических, чем юридических действий. Иначе говоря, считаться с юридическим положением, с законом нашей Организации, — Уставом — нет необходимости, раз обстановка требует не считаться. Я понимаю — это честная постановка вопроса. Тогда вы, авторы резолюции, должны были бы сказать: «да, это есть ломка Устава, но положение таково, что мы ломаем этот Устав. Драматическое положение обязывает нас действовать так, а не ваши юридические соображения. Пусть умолкнут юридические соображения перед обстановкой, перед драматизмом, создавшейся ситуацией». Тогда можно, по крайней мере, с вами не спорить. Тогда нам нужно решать, как нам быть в такой Организации. Мы тогда будем думать об этом.

123. Но когда совершенно ясно налицо и не может быть никаких сомнений, что тут есть коренные изменения Устава, как можно говорить, как говорит г-н Йонгер: «Помилуйте, никаких изменений нет. Там была буква вниз повернута, теперь она будет немного повернута вверх. Там что-то не было досказано, а здесь откровенно сказано. Но, позвольте, а «Ньюсуик» что пишет? А вот, что он пишет: «Американские руководители в политике понимают, что программа эта в действительности, если не по имени, радикально пересматривает Устав ООН, в котором принудительные действия предоставляются исключительной юрисдикции Совета Безопасности».

124. Здесь выступал кубинский делегат, который заявил, что, позвольте, у Кельсена вовсе не так! Как же это не так, я тогда вам прочитаю два места из Кельсена. Вы сможете это проверить потом. В одном месте Кельсен говорит следующее:

«Если это вопросы, о которых идет речь в статье 11 пункт 2, то применяется то ограничение, что вопрос должен быть поставлен перед Генеральной Ассамблеей, так как это указано в статье 11 пункт 2 и что вопрос должен быть передан Совету Безопасности до

того, как будет сделана какая-либо рекомендация, если действия необходимы»¹².

Вот что пишет Кельсен в одном месте своей книги: «Закон или право Организации Объединенных Наций». В другом месте он пишет: «действие может означать только принудительное действие». И это подтвердил в Первом комитете никто иной как г-н Даллес. Это, разумеется, крайнее средство, — принуждение. И Кельсен пишет дальше:

«Это является специфической функцией Совета Безопасности. В этом случае и только в этом случае Генеральная Ассамблея не должна делать рекомендаций, а должна передать вопрос Совету Безопасности»¹³.

125. Я мог бы вам процитировать еще не мало всякого рода цитат из книги Кельсена. Я не стану у вас отнимать время, но я только хочу сказать, что совершенно неоснователен довод уважаемого делегата Кубы, который ссылается на авторитет Кельсена. Кельсен вовсе не признает, что Генеральная Ассамблея имеет право осуществлять те принудительные действия, которые по Уставу предоставляются Совету Безопасности. Генеральная Ассамблея не только не имеет права, но обязана передать такой вопрос на рассмотрение Совета Безопасности.

126. Я теперь припоминаю, что г-н Даллес в Первом комитете — чуть ли не в своем первом выступлении — говорил: позвольте, когда обсуждался испанский вопрос в Совете Безопасности, а потом переходил в Генеральную Ассамблею, то, во-первых, польская делегация, а потом белорусская делегация и, наконец, советский представитель г-н Громько в свое время говорили и требовали, чтобы Генеральная Ассамблея приняла решение по этому вопросу, что они даже настаивали на том, чтобы были применены тогда санкции и разрыв дипломатических отношений. Как же, говорил он, вы тогда настаивали на том, что Генеральная Ассамблея имеет право предпринимать такие действия, принудительные действия, а теперь вы настаиваете на том, что она не имеет этого права применить принудительные действия?

127. Г-н Даллес очень неудобно поступил в этом случае, потому что он опять-таки извратил текст. Мы исходим из основного положения, которое записано в статье 10 Устава, что Генеральная Ассамблея имеет право рассматривать и выносить рекомендации по всем вопросам, которые относятся к компетенции любого органа Организации Объединенных Наций, т. е., следовательно и такого органа, как Совет Безопасности, если нет каких-нибудь ограничений.

128. Но ведь имеются два ограничения: первое в пункте 1 статьи 12, относящееся ко всем вопросам, говорит, что когда эти вопросы рассматриваются или когда по этим вопросам Совет Безопасности выполняет свои функции, Генеральная Ассамблея не вправе делать какие-либо рекомендации. Рассматривать она может, а давать рекомендации по этим вопросам она не может. Второе ограничение содержится в пункте 2, в последней фразе статьи 11, где говорится, что если вопрос, который может подлежать рассмотрению Генеральной Ассамблеи, хотя бы он был отнесен

к компетенции Совета Безопасности, если этот вопрос требует какого-то принудительного действия, — в Уставе прямо сказано «действия», но мы все знаем, — так как между нами разногласия нет, — что это «принудительное действие», — то он должен быть обязательно передан Совету Безопасности.

129. Нам говорят: а разве разрыв дипломатических отношений не есть принудительное действие? Конечно, это есть принудительное действие, но ведь вы забываете то, что когда мы говорим «принудительное действие», то мы связываем это с возможностью применения вооруженных сил. И вапа вся резолюция — и в этом центр ее — направлена на то, чтобы дать возможность Генеральной Ассамблее пользоваться вооруженными силами, независимо от Военно-штабного комитета, независимо от Совета Безопасности. Но ведь в статье 41 говорится, что «Совет Безопасности уполномочивается решать, какие меры должны применяться для осуществления его решений, и он может потребовать от членов Организации применения этих мер». Каких? «...перерыв экономических отношений, железнодорожных, морских, воздушных, почтовых, телеграфных, радио или других средств сообщения, а также разрыв дипломатических отношений». Это право дается Совету Безопасности, и эти вопросы входят и могут входить в компетенцию Генеральной Ассамблеи.

130. Но здесь есть в начале одна оговорка, о которой умолчал г-н Даллес, ничего о ней не сказал, а эта оговорка решает дело. Она говорит: Совет Безопасности уполномочивается решать, и Генеральная Ассамблея может решать, какие могут быть приняты меры, «не связанные с использованием вооруженных сил». Разрыв дипломатических отношений это мера, не связанная с использованием вооруженных сил. Перерыв экономических отношений, — это мера принудительная, но не связанная с использованием вооруженных сил.

131. Чтобы уточнить, я формулирую свою позицию, позицию нашей делегации: Генеральная Ассамблея вправе рассматривать любой вопрос, который относится к компетенции любого органа ООН и, в том числе, Совета Безопасности, если в Уставе нет каких-либо исключений. А таких исключений два: в статье 12 и в статье 11, пункт 2.

132. Если мы требовали, чтобы Генеральная Ассамблея не уклонялась от рассмотрения, скажем, испанского вопроса и вынесла решение о разрыве дипломатических отношений, то мы действовали в соответствии со статьей 41, потому что по статье 11 Генеральная Ассамблея вправе это рассмотреть, если эти действия не связаны с применением вооруженных сил.

133. А что же вы предлагаете в вашей резолюции? Разве в вашей резолюции, начиная с преамбулы и идя дальше по отдельным разделам, вы не предлагаете передать в распоряжение Генеральной Ассамблеи вооруженные силы? Разве вы не игнорируете главу VII Устава, где, начиная со статьи 43, определено говорится о том, что вооруженными силами может распоряжаться только Военно-штабной комитет под руководством Совета Безопасности и применяться они могут только по решению Совета Безопасности, а не Генеральной Ассамблеи, ибо есть статья 11, пункт 2.

¹² См. Кельсен, цитированный труд, стр. 204.

¹³ Там же, стр. 204 и 205.

134. Поэтому, разве добросовестно говорить, что мы вообще отрицаем за Генеральной Ассамблеей право решать вопросы, которые связаны с поддержанием мира и безопасности? Это неверно, мы не оспариваем этого права. Оно записано в статье 10, оно записано в статье 11, ибо Генеральная Ассамблея имеет право рассматривать все вопросы, связанные с поддержанием мира и безопасности, а не только любые вопросы, не связанные с миром и безопасностью. Но в том случае, когда эти вопросы рассматривает Совет Безопасности, тогда, в силу статьи 12, Генеральная Ассамблея ограничивается только обсуждением их, не имея права выносить рекомендаций, или тогда, когда эти мероприятия не требуют действий в принудительном смысле этого слова, особенно при помощи вооруженных сил. И в таком случае Генеральной Ассамблее тоже здесь нечего делать, ибо Устав ей этих прав не предоставляет.

135. Вот так стоит вопрос по закону, по Уставу. А нам в ответ на это говорят, что «мы не можем терпеть того, чтобы Совет был в параличе». Но позвольте, «в параличе» он бывает только тогда, когда вам не удастся провести свои решения через Совет Безопасности. Тогда это «паралич»! А когда он принимает ваши решения, тогда он не в «параличе». Значит, вы хотите Совет Безопасности превратить в орудие вашей политики, сделать его инструментом вашей политики. Так как вам не удастся это сделать при наличии вето, то вы обрушиваетесь на вето. Но так как вы боитесь уничтожить вето, потому что, во-первых, вам это не удастся, если вы не хотите разрушить эту Организацию, а, во-вторых, потому, что вы хотите сами сохранить вето на будущее время для самих себя, — то вы изобретаете способ, при помощи которого можно было бы, что называется «и невинность соблюсти (верность Уставу) и капитал приобрести», т. е. приобрести все те выгоды, которые будут оттого, что вы не будете исполнять требования Устава.

136. Вот простая философия всей вашей политики. И все же пытаться говорить о том, что будто бы здесь ничего не изменяется, что будто бы Устав остается на своем месте и Совет Безопасности остается на своем месте. Ничто не остается на своем месте, а главное — основные принципы Устава выбрасываются на свалку.

137. Мы не можем поэтому согласиться с теми предположениями, которые содержатся в вашем проекте резолюции и которые направлены на эту коренную ломку Устава и на то, чтобы Совет Безопасности заблокировать, отодвинуть его куда-то в тыл, снять его с передовых линий борьбы за мир, а борьбу эту повести исключительно через Генеральную Ассамблею, где у вас большинство, где в ваших руках всегда возможность повернуть любой вопрос в ту или другую сторону, независимо от того, опираетесь ли вы на закон или нарушаете этот закон.

138. Я даже скажу больше: вы энергичнее действуете тогда, когда вы нарушаете закон, проводя свои предложения, чем тогда, когда вы вынуждены этот закон соблюдать. Это порок, это основной порок вашего проекта резолюции, и мы считаем поэтому здесь долгом нашей совести и нашего положения членов Организации Объединенных Наций решительно настаивать на том, чтобы такая резолюция была отклонена и чтобы,

по крайней мере, в тех частях, которые неприемлемы с точки зрения закона, которым мы должны руководствоваться, т. е. нашего Устава — были внесены те поправки, которые мы предложили, руководствуясь исключительно действительными интересами нашей Организации, уважением к закону нашей Организации, к ее конституции — нашему Уставу.

139. Вы забаллотировали наше предложение, провалили наше предложение по пункту «В» относительно Межсессионного комитета и вы не приняли некоторые другие поправки, которые мы вносили. Но когда встал вопрос о том, чтобы создать так называемую Комиссию мира — Патруль мира, то вы, большинство, не хотели пустить туда Советский Союз и его друзей и хотели составить одностороннюю комиссию не-представительного характера. Г-н Даллес дошел даже до такого цинизма, что он заявил: «опыт показывает, что без участия Соединенных Штатов Америки и Советского Союза комиссии будут работать лучше», хотя перед этим он же говорил о том, что комиссия, где участвуют Соединенные Штаты Америки, лучше работает, чем те, в которых великие державы не участвуют. В результате моих последующих с ним переговоров, мы договорились, вне заседания, что, в конечном итоге, Соединенные Штаты Америки могут согласиться на то, чтобы и Советский Союз принял участие в такой комиссии. И под громадным нажимом нашей борьбы, они согласились это принять. И мы, несмотря на то, что в этом разделе «В» имеются неприемлемые для нас второстепенные пункты, — мы голосовали за этот пункт «В». И мы будем голосовать и сейчас за эту резолюцию «семи», если вы исправите ее и внесете в нее те поправки, без которых она является издевательством над Уставом, издевательством над нашей Организацией Объединенных Наций, издевательством над нашим благородным, священным долгом, в котором заинтересованы миллионы и миллионы людей, все честное и миролюбивое человечество, — делом укрепления мира и борьбы против нарастающей угрозы новой войны.

140. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-французски*): Имя г-на Даллеса столько раз упоминалось в последнем выступлении, что я невольно задал себе вопрос, обсуждаем ли мы объединенные действия в пользу мира или объединенные действия в пользу г-на Даллеса. Я хочу вам напомнить, что Ассамблея не является ни палатой депутатов, ни сенатом, а собранием представителей государств, и что все мы прежде всего являемся именно такими представителями. Поэтому, мне кажется, что подобные личные нападки не соответствуют достоинству Генеральной Ассамблеи. Единственный человек, на которого вы можете здесь нападать, это Председатель. Я надеюсь, однако, что вы не сочтете мои слова за приглашение к таким нападкам.

141. Г-н ВИТТОНЕ (Аргентина) (*говорит по-испански*): В своем отношении к пункту повестки дня, озаглавленному «Объединенные действия в пользу мира», делегация Аргентины руководствуется желанием обеспечить сожительство народов в мире и безопасности и соблюдение великих принципов международного права и Устава Организации Объединенных Наций.

142. Для осуществления этого желания необходимо установить в мире такой правопорядок, при котором

все национальные единицы могли бы непрерывно развиваться и этот прогресс вдохновлялся и направлялся бы свободно принимаемыми решениями.

143. Что касается вопроса, находящегося на нашем рассмотрении, то по ряду чрезвычайно важных его аспектов имели место дискуссии: обсуждались функции и полномочия главных органов Объединенных Наций, компетенция Генеральной Ассамблеи, особые полномочия Совета Безопасности и вопрос о единогласии постоянных членов. Все эти вопросы были затронуты и обсуждены, но, по нашему мнению, полностью не выяснены.

144. Были весьма энергично выражены различные политические точки зрения. Для того чтобы политические мероприятия давали длительные результаты, они должны покоиться на прочной законной основе. В основу же закона должна быть положена свобода — это неизменный принцип.

145. При отсутствии закона не могут существовать ни человеческое общество, ни цивилизация. Работа международного общения должна базироваться на такой правовой организации международного мира, при которой зависящие друг от друга государства с уважением относились бы к власти и компетенции других государств.

146. Со времени конференции в Сан-Франциско аргентинская делегация твердо отстаивает полномочия наиболее представительного органа Объединенных Наций. Мы утверждаем, что в целях поддержания или восстановления международного мира и безопасности Генеральная Ассамблея уполномочена с той срочностью, с которой этого требуют обстоятельства, рассматривать любой вопрос, касающийся угрозы мира, нарушения мира или акта агрессии, с тем чтобы делать непосредственные рекомендации государствам-членам в пределах, установленных Уставом.

147. Исходя из этих соображений, делегация Аргентины будет голосовать за разделы А, В и Е первой резолюции, рекомендованной Первым комитетом, если они будут рассматриваться раздельно. Мы считаем, что необходимо сделать попытку остановить агрессию, где бы она ни имела место. Если Совет Безопасности, которому по Уставу принадлежит право решения, парализован в своих действиях применением вето, то вполне законно, чтобы Генеральная Ассамблея обсудила данный вопрос и сделала те рекомендации, которые она имеет право делать согласно главе IV Устава.

148. Однако, что касается раздела С проекта резолюции, то говорилось, что действия, которые предусмотрены в главе VII Устава, будут предусмотрены и в тех рекомендациях, которые Генеральная Ассамблея уполномочена делать. Раздел С определяет, ограничивает и предлагает проведение действий и является существенной и динамичной частью проекта резолюции. Этот раздел дал повод к весьма серьезным сомнениям и возражениям.

149. Можно утверждать, что Генеральная Ассамблея компетентна рассматривать вопросы, о которых говорится в главе VII и в пункте 2 статьи 11 Устава. Однако по этому вопросу не было представлено каких-либо неопровержимых доказательств ни положительного, ни отрицательного характера.

150. Была сделана попытка путем различных правовых теорий установить компетенцию главных органов Объединенных Наций на основании как широкого, так и узкого толкования Устава. С одной стороны, требование единогласия постоянных членов Совета Безопасности толковалось как главная ответственность этих членов, а также как главная их обязанность в отношении вопросов, которые могут угрожать миру или привести к нарушению мира.

151. Особая заинтересованность постоянных членов Совета в вопросах агрессии или угрозы агрессии определяется соображениями политического характера. Однако мы не должны забывать, что Организация Объединенных Наций основана на принципе суверенного равенства всех ее членов. Это международная организация, в которой все государства, обладают равными правами и в которой государства должны принимать решения в соответствии с правовой структурой, установленной нормами Устава. Если мы считаем, что эта Организация может быть улучшена, мы должны изменить ее в соответствии с положениями Устава, но при этом мы должны оградить ее от тех толкований, которые могут затронуть основные принципы ее функционирования, особенно если эти толкования различны. По мнению делегации Аргентины, выслушанные нами пространные и полные эрудиции заявления не дают ответа на те вопросы, которые я только что отметил.

152. С другой стороны мы приветствуем третий проект резолюции, первоначально внесенный совместно Ираком и Сирией, в котором постоянным членам Совета Безопасности рекомендуется выполнить свой долг и достигнуть соглашения в соответствии с духом и буквой Устава. Этот проект резолюции отражает стремления всех народов и при столь тревожном будущем все же намечает путь к миру.

153. Делегация Аргентины убеждена в правильности принципов, лежащих в основе рекомендаций разделов А, В и Е первого представленного Первым комитетом проекта резолюции, но, вследствие имеющихся у нее сомнений по поводу разделов С и D, сомнений, которые, с ее точки зрения, являются существенными, она воздержится от голосования проекта резолюции в целом.

154. Делегация Аргентины воздержится также от голосования второго проекта резолюции вследствие последнего его пункта. Она будет голосовать за третий проект резолюции, представленный Первым комитетом в надежде, что Организация Объединенных Наций достигнет соглашения, которое обеспечит человечеству блага мира.

155. Г-н ШАМАНДИ (Йемен): Цель первого предложенного нашему вниманию проекта резолюции заключается, конечно, в поддержании мира и сопротивлении агрессии. Это высокая и благородная цель. В силу причин, не имеющих какого-либо отношения ни к целям, ни к принципам проекта резолюции, делегация Йемена не участвовала в общих прениях в Первом комитете, однако она внимательно следила за обсуждением вопроса, прислушивалась к выдвигаемым аргументам и серьезно обдумала все положения проекта. Поэтому, когда текст был поставлен на голосование по пунктам, она воздержалась от голосования по некоторым из них.

156. Принимая во внимание заверения выступавших с этой трибуны ораторов, говоривших нам о доброй воле, лежащей в основе этого проекта резолюции, делегация Йемена считает, что принятие его пойдет на благо всему миру и полагает, что в целях сотрудничества его необходимо оценить и поддержать.

157. Делегация Йемена будет голосовать за проект резолюции в целом, но, ввиду соображений особого порядка, вновь воздержится при голосовании разделов А и С, предусматривающих содержание частей особого назначения в составе национальных вооруженных сил.

158. Мы надеемся, что государства-члены нашей Организации будут продолжать жить в дружбе и солидарности, что обеспечит всем народам мирную жизнь, безопасность и благосостояние.

159. Сэр Венегаль Н. РАУ (Индия): На рассмотрение Генеральной Ассамблеи представлены три проекта резолюций. В отношении каждого из них делегация Индии изложила свою точку зрения в Первом комитете.

160. Что касается первого из них, то мы поддерживаем разделы А, В и Е.

161. В разделе А, где говорится о наделении Генеральной Ассамблеи или принятии ею на себя вновь некоторых функций в том случае, если Совет Безопасности оказывается в тупике, мы предпочли бы увеличить предлагаемый в проекте двадцатичетырехчасовой срок для созыва чрезвычайных сессий Генеральной Ассамблеи. Ввиду расстояния, отделяющего Дели от Нью-Йорка, мы предпочли бы по крайней мере недельный срок, и потому мы надеемся, что когда чрезвычайное положение не будет требовать особо срочных мер, уведомление будет посылаться не за двадцать четыре часа, а раньше. Мы предпочли бы также, чтобы в разделе В не было ссылки на Межсессионный комитет. Однако ни одно из этих соображений не столь серьезно, чтобы повлиять на нашу поддержку этих двух разделов.

162. Мы полностью принимаем раздел Е, в частности ту его часть, которая касается развития отсталых районов. В самом деле, как известно присутствующим, делегация Индии внесла в Первый комитет проект резолюции [A/C.1/598], основанный именно на этой части раздела Е, проект резолюции, предлагающий создание фонда Организации Объединенных Наций для развития отсталых районов.

163. Теперь я перехожу к разделу С, основные рекомендации которого касаются национальных вооруженных отрядов, предоставляемых в распоряжение Организации Объединенных Наций по требованию либо Совета Безопасности либо Генеральной Ассамблеи. Здесь выражались сомнения относительно того, находится ли такого рода рекомендация в соответствии с положениями Устава. Конечно, возможны чрезвычайные обстоятельства, при которых необходимо действовать даже при наличии таких сомнений, выбирая меньшее из двух зол. Существуют ли такие обстоятельства в данном случае? Мы полагаем, что нет.

164. Во-первых, практическая выгода этой рекомендации сомнительна, ибо рекомендация связана с целым рядом оговорок. Национальные боевые единицы предоставляются в распоряжение Организации Объединенных Наций только поскольку это согла-

суется с основными законами соответствующего члена Организации и ограничивает применение этих вооруженных сил при осуществлении им своего права на индивидуальную и коллективную самооборону в соответствии со статьей 51 Устава. Это очень строгие ограничения, и поэтому у нас имеются некоторые сомнения относительно практической пользы этой рекомендации.

165. Однако наши главные опасения возникают по другому поводу. Правительство Индии считает, что теперь не время подчеркивать военный аспект Организации Объединенных Наций, каким бы важным этот аспект ни был. Мы считаем, что в настоящее время следовало бы направить все усилия на улучшение аппарата Организации Объединенных Наций для выполнения мирных задач.

166. В силу этих причин правительство Индии не может поддержать ни раздела С проекта резолюции, ни его раздела D, содержащего ссылку на раздел С. Поэтому делегация Индии воздержится от голосования этих разделов, а так как здесь говорилось, что они являются краеугольным камнем всего проекта резолюции, то мы воздержимся и от голосования проекта резолюции в целом.

167. Я теперь перехожу ко второму проекту резолюции, находящемуся у нас на рассмотрении. В основном он повторяет положения Устава и поэтому нам ничто не мешает его поддержать.

168. Третий проект резолюции соответствует предложению, которое я сделал, выступая в Генеральной Ассамблее [286-е заседание], и поэтому делегация Индии горячо его поддерживает.

169. Ато Аббебе РЕТТА (Эфиопия): Делегация Эфиопии уже имела случай изложить свое отношение к первому проекту резолюции при внесении его в Первый комитет. В этом Комитете делегация Эфиопии в принципе поддержала общую мысль проекта. Она также заявила о том, что она строго придерживается Устава Организации Объединенных Наций, и выразила надежду, что будет найдена почва для достижения соглашения между постоянными членами Совета Безопасности, на которые Уставом возлагается главная ответственность.

170. Делегация Эфиопии просила слова лишь для того, чтобы заявить о поддержке разделов А, В и С. Здесь выдвигались аргументы за и против проекта резолюции двумя группами ораторов, причем одна группа говорила о необходимости строго придерживаться Устава, в то время как другая требовала более широкого его толкования. Делегация Эфиопии присоединяется к тем, которые, хотя и строго придерживаются Устава, но тем не менее считают, что необходимо что-то сделать для укрепления самих основ Устава, а именно, для поддержания мира и безопасности.

171. Мы поддерживаем первый проект резолюции на том основании, что Совет Безопасности может временно находиться в тупике и вследствие этого бездействовать, но только до тех пор, пока не будут приведены в действие положения статьи 43 Устава. Ввиду этого мы поддерживаем этот проект резолюции и надеемся, что он будет применяться лишь временно.

172. Мы поддерживаем второй проект резолюции, потому что он является новым подтверждением строгого соблюдения всеми нами Устава Организации.

173. Мы поддерживаем третий проект резолюции, потому что он является по нашему мнению правильным психологическим подходом к вопросу и позволит постоянным членам Совета Безопасности найти путь к претворению в жизнь Устава на благо всем. Здесь говорилось, что Устав следует толковать динамично. Мы считаем, что Устав следует толковать как динамическое орудие в соответствии с его назначением, которое излагается в преамбуле, а также в пункте 1 статьи 1; тогда никто не сможет поставить это толкование под вопрос. При таком толковании в Устав пришлось бы внести изменения, которые предусматриваются только статьей 109. Мы считаем, что нам удалось бы избежать внесения разрозненных поправок — как бы заплат — и ускорить принятие их в том случае, если бы постоянные члены Совета Безопасности согласились отказаться от прав, предоставленных им в пункте 2 статьи 109 так, чтобы поправки к Уставу могли вноситься в соответствии с пунктом 3 той же статьи даже до истечения срока, предусматриваемого этой статьей.

174. Выражая надежду, что постоянные члены Совета Безопасности в первую очередь проведут в жизнь третью резолюцию и, следовательно, примут меры безопасности, предусматриваемые в главе VII Устава, устранив таким образом необходимость использования мероприятий, предусмотренных в первом проекте, делегация Эфиопии заявляет, что она поддерживает все три проекта резолюции, так как считает, что они друг друга дополняют.

175. А. М. БАРАНОВСКИЙ (Украинская Советская Социалистическая Республика): Политический комитет Генеральной Ассамблеи на-днях принял проект резолюции, озаглавленный «Объединенные действия в пользу мира», который теперь рассматривается Генеральной Ассамблеей. Делегация Украинской ССР уже указывала в своих выступлениях во время дискуссии в Политическом комитете на то, что предложенная нашему рассмотрению резолюция имеет ряд весьма серьезных недостатков. Всемерно стремясь к достижению согласованных действий в таком важном вопросе, как защита мира, делегация Украинской ССР поддержала поправки делегации СССР, которые улучшали эту резолюцию, но большинство этих поправок было отклонено в Политическом комитете. В результате этого Политический комитет допустил принятие резолюции, содержащей серьезные нарушения Устава.

176. Он принял раздел А американской резолюции, расширяющей полномочия Генеральной Ассамблеи за счет ущемления прав Совета Безопасности, нарушив таким образом установленное Уставом четкое разграничение функций между всеми органами Объединенных Наций, в силу которого главная ответственность за поддержание мира и безопасности и за осуществление принудительных действий в случае угрозы миру лежит на Совете Безопасности, как это указано в статьях 11, 12, 41 и 42 Устава.

177. Генеральная Ассамблея, в полномочия которой согласно статье 14 Устава, входит применение лишь мирных средств урегулирования любого спора и любой

ситуации, наделяется теперь по резолюции правом давать рекомендации также и по принудительным действиям, включая применение вооруженных сил, т. е. наделяется функциями, принадлежащими Совету Безопасности.

178. В Политическом комитете мы останавливались не раз и достаточно детально на выступлениях делегатов США, Англии и Австралии по этому вопросу. Поэтому нет необходимости снова к ним возвращаться, тем более что и сегодняшние их выступления на пленуме Генеральной Ассамблеи повторяют прежние аргументы. Я укажу лишь на выступления некоторых делегатов, как например делегата Франции, защищавших эту часть американской резолюции.

179. Французский делегат г-н Шовель сделал попытку убедить нас в том [299-е заседание], что наделение Генеральной Ассамблеи функциями, относящимися к применению принудительных действий, не затрагивает якобы компетенцию Совета Безопасности. Это конечно очевидный абсурд. Достаточно наделить любой другой орган Организации Объединенных Наций правами, аналогичными правам Совета Безопасности, как это предлагает проект резолюции, чтобы Совет Безопасности потерял свое значение главного органа, ответственного за поддержание мира и безопасности, так как параллельно с ним будет существовать орган, обладающий такими же полномочиями.

180. Ряд делегатов, в том числе и кубинский делегат, утверждали, что, хотя Генеральная Ассамблея и не может принимать непосредственно принудительные меры или отдавать приказы, она якобы может рекомендовать такие меры принудительного характера, включая применение вооруженной силы. При этом они ссылались на статью 10 Устава. Мы еще раз ознакомились с содержанием этой статьи, но эта статья, уполномочивая Генеральную Ассамблею обсуждать любые вопросы в пределах Устава или относящиеся к полномочиям и функциям любого из органов Объединенных Наций и делать по ним рекомендации, имеет очень важную оговорку, ограничивающую эти права в отношении вопросов, предусмотренных статьей 12, т. е. вопросов, касающихся принудительных действий. Ссылка на это делается также и в пункте 2 статьи 11 Устава.

181. Мы не можем поэтому согласиться с положением пункта 1 проекта резолюции и предлагаем исключить относящиеся к Генеральной Ассамблее слова: «делать членам Организации Объединенных Наций необходимые рекомендации относительно коллективных мер, включая, в случае нарушения мира или акта агрессии, применение вооруженных сил», заменив их словами: «делать соответствующие рекомендации, причем любой такой вопрос, по которому необходимо предпринять действие, передается в соответствии со статьей 11 Устава Генеральной Ассамблеей Совету Безопасности до или после обсуждения».

182. Резолюция, представленная на наше усмотрение, предлагает, чтобы национальные вооруженные силы, создаваемые в качестве боевых единиц Организации Объединенных Наций, находились в распоряжении не только Совета Безопасности, но и Генеральной Ассамблеи. Делегация Украинской ССР, как и делегация ряда других стран, считает, что вооруженные

силы, необходимые для поддержания международного мира и безопасности, должны предоставляться Организации Объединенных Наций государствами-членами лишь в соответствии со статьей 43 Устава по особым соглашениям и находиться не в распоряжении Генеральной Ассамблеи, а в подчинении исключительно Совета Безопасности.

183. Следует особо подчеркнуть, что применение силы, предусмотренное Уставом, является лишь крайней мерой принуждения. Именно поэтому статья 40 Устава требует от Совета Безопасности, прежде чем сделать рекомендации, предусмотренные статьями 41 и 42 (применение мер экономического воздействия, разрыв дипломатических отношений и, наконец, применение вооруженных сил), потребовать выполнения мер мирного урегулирования. Об этом говорит и статья 106, обязывающая великие державы до вступления в силу указанных в статье 43 соглашений консультироваться друг с другом и, в случае необходимости, с другими членами Организации Объединенных Наций с целью таких совместных действий, которые могут оказаться необходимыми для поддержания мира и безопасности.

184. Канадский делегат г-н Пирсон заявил в Политическом комитете, что статья 106 имела якобы в виду лишь первый переходный период, пока еще не был сформирован Совет Безопасности и Военно-штабной комитет. Он считает поэтому, что в настоящее время основным средством поддержания мира являются вооруженные силы, подчиненные Генеральной Ассамблее непосредственно. Эта позиция г-на Пирсона, опирающаяся на принцип силы, выражает, как и обычно, взгляды американской делегации, вместе с которой он пытается протащить в Генеральной Ассамблее резолюцию, направленную к тому, чтобы подчинить Соединенным Штатам Америки создаваемые под руководством Организации Объединенных Наций национальные воинские части государств-членов и использовать их при необходимости для осуществления американских военных планов.

185. Мы, разумеется, против того чтобы национальные части, создаваемые в качестве вооруженных сил Организации Объединенных Наций, предоставлялись Организации Объединенных Наций иным порядком, чем это предусмотрено статьей 43 Устава, и использовались по рекомендации Генеральной Ассамблеи, и будем поэтому возражать против этой части резолюции, содержащейся в разделе С.

186. Мы считаем неприемлемым также и создание института военных экспертов, подчиненных Генеральному Секретарю, так как по Уставу это в его функции не входит. Если бы назначение военных экспертов оказалось впоследствии необходимым, этот вопрос мог бы быть рассмотрен Военно-штабным комитетом и Советом Безопасности.

187. Советский Союз всегда придавал большое значение принципу единогласия постоянных членов Совета Безопасности, сдерживающему великие державы от сепаратных действий, опасных для мира. Совершенно очевидно, что отсутствие согласия между великими державами нельзя заменить никаким голосованием в Ассамблее, даже если по тем или другим вопросам оно соберет большинство голосов. В дискуссии справедливо указывалось, что устойчивый мир

между народами может быть достигнут лишь при условии, если великие державы найдут общий язык и займут согласованную позицию в основных вопросах международных отношений.

188. Отсутствие такого согласия уже само по себе составляет угрозу миру. Вот почему в Уставе Организации Объединенных Наций подчеркивается особая ответственность пяти великих держав за поддержание мира. На это мы обращали внимание в своих выступлениях ранее. От этих великих держав, обладающих реальной силой, зависит в первую очередь, быть ли миру длительным или ввергнуть народы в ужасы новой войны.

189. Вопреки этому проект резолюции рекомендует непредусмотренный Уставом порядок созыва чрезвычайных сессий Генеральной Ассамблеи, при котором единогласие постоянных членов Совета Безопасности в этом вопросе становится больше не обязательным.

190. Нам предлагают согласиться с тем, чтобы весьма важный вопрос о созыве специальных чрезвычайных сессий Ассамблеи решался по требованию любых семи членов Совета Безопасности. В оправдание этого очевидного нарушения Устава, английский делегат Йонгер заявил, что «если Устав не может быть сделан эффективным путем, каким это предполагалось первоначально, — нужно изыскать какой-то другой путь в рамках Устава». Конечно, последняя ссылка на Устав должна придать лишь известную дипломатическую благопристойность этому призыву к ломке Устава.

191. Мы считаем, что предлагаемый порядок созыва чрезвычайных сессий находится в явном противоречии со статьей 20 Устава, согласно которой специальные сессии могут быть созваны лишь по требованию Совета Безопасности или большинства членов Организации Объединенных Наций.

192. Имея в виду изложенное нами, делегация Украинской ССР считает неприемлемым созыв чрезвычайных сессий по требованию любых семи членов Совета Безопасности и предлагает, чтобы эти сессии созывались по требованию большинства членов Организации Объединенных Наций или по требованию Совета Безопасности, имея в виду что такое решение будет решением всего Совета Безопасности, включая совпадающие голоса постоянных членов, а не только решением его некоторых членов.

193. Некоторые делегаты утверждали, что созыв специальных чрезвычайных сессий является простым процедурным вопросом, который, в соответствии со статьей 27 Устава, не требует для своего решения единогласия всех постоянных членов Совета Безопасности. С этим нельзя согласиться, так как согласно статье 30 только сам Совет Безопасности может определять, какие из вопросов его компетенции могут быть отнесены к процедурным вопросам.

194. Мы не можем также согласиться и с принятием предложенного в резолюции двадцатичетырехчасового срока для созыва чрезвычайных сессий. Делегации ряда стран уже высказались в Политическом комитете за увеличение этого срока, и сегодня это сделал уважаемый представитель Индии. Мы поддерживаем предложение, чтобы срок созыва чрезвычайных сессий был установлен примерно в десять дней.

195. В дискуссии в Политическом комитете уже указывалось, что создание комитета коллективных мероприятий преследует далеко идущие цели. Именно это обстоятельство вызвало колебание у ряда делегаций. Под невинным на первый взгляд названием скрывается новый орган Объединенных Наций, создаваемый параллельно с Военно-штабным комитетом и наделенный отчасти его функциями. Этот комитет, помимо учета и собирания сведений о ресурсах, должен будет в соответствии с разделом С проекта резолюции, на который делается ссылка в пункте 11 раздела D этого проекта, составлять также планы действия, т. е. взять на себя функции Военно-штабного комитета, что является явным нарушением статьи 46 Устава Организации Объединенных Наций. Делегация Украинской ССР будет поэтому голосовать против этого положения резолюции.

196. Многократно повторяя заверения в верности Уставу, французский делегат г-н Шовель пытался вчера доказать, что можно расширить функции Генеральной Ассамблеи, можно создать комитет коллективных мероприятий и принять резолюцию, допускающую созыв чрезвычайных сессий Генеральной Ассамблеи по требованию любых семи членов Совета Безопасности, не нарушая этим Устава. Нужно только один пункт Устава подправить, другой — дополнить, третьему — дать новое толкование, и дело будет сделано. То, что предлагает г-н Шовель, является ничем иным, как поправками Устава, как бы ни хотел французский делегат представить эти поправки в виде безобидной процедурной операции, но как известно, любые поправки могут быть внесены в Устав лишь в порядке, предусмотренном самим Уставом.

197. Филиппинского делегата г-на Ромуло не останавливают явные нарушения Устава, допускаемые проектом резолюции. Он даже провозгласил вчера с большим апломбом и жаром, что аргументы, основанные на требовании сохранения в неприкосновенности Устава, должны быть отвергнуты. Этот призыв нарушения Устава повторил сегодня [300-е заседание] и боливийский делегат. Некоторым делегатам, в числе которых находятся филиппинский и боливийский делегаты, тесно в рамках Устава Организации Объединенных Наций. Им не терпится расширить Устав и даже сломать его, если он мешает осуществлению их целей. Такого рода попытки делались неоднократно и в свое время были нами разоблачены.

198. Мы, конечно, никогда не считали, что Устав Организации Объединенных Наций не может быть изменен. На это нами указывалось, в частности, в дискуссии в Политическом комитете в связи с обсуждением американской резолюции. Разумеется, Устав не может быть застывшей догмой. Он должен совершенствоваться и уточняться в меру изменения условий деятельности Организации Объединенных Наций. Но нельзя допустить, чтобы Устав Организации Объединенных Наций, являющийся основным законом нашей Организации, или, как его здесь называли, «конституцией» Организации Объединенных Наций,

изменялся на каждой сессии Генеральной Ассамблеи в угоду американской делегации или какой-либо другой группе делегаций. Нужно помнить и не забывать, что Устав Организации Объединенных Наций — важный международный договор, подписанный и ратифицированный каждым государством-членом Организации Объединенных Наций в соответствии с его конституционной процедурой, который нельзя превращать в пустую бумажку.

199. Мы считаем поэтому неприемлемой интерпретацию г-ном Ромуло Устава Организации Объединенных Наций, оправдывающую любое изменение Генеральной Ассамблеей Устава под видом «разумного толкования», «некоторых улучшений» или придания Уставу «жизненной силы», как говорил об этом г-н Ромуло.

200. Если какая-либо страна-член Организации Объединенных Наций или группа таких стран хочет исправить Устав, если по их мнению назрела в этом необходимость, если они считают нужным пересмотреть права Совета Безопасности и принципы, на которых основана его деятельность, — они должны выполнить требования статьи 109 Устава, предусматривающие обязательный созыв Генеральной конференции Организации Объединенных Наций для рассмотрения любых — подчеркиваю — любых поправок Устава. Только в этом случае изменения Устава станут законными и обязательными для всех членов Организации Объединенных Наций. Всякие изменения Устава, принятые иным способом, будут, конечно, незаконными.

201. Но именно это уставное требование делегации Соединенных Штатов Америки и их союзников хотят обойти и поэтому идут на незаконную, противоречащую самому Уставу ломку Устава Организации Объединенных Наций.

202. Мы изложили наше отношение к резолюции «Объединенные действия в защиту мира». Нас не убедило утверждение г-н Йонгера, что эта резолюция не ослабляет якобы Организацию Объединенных Наций. Мало голословно заявить об этом, нужно это доказать. Но г-н Йонгер, как мы видели, даже не пытался это сделать, потому что нельзя опровергнуть очевидного факта, что принятие резолюции в том виде, как она нам предложена, было бы новым нарушением важных положений устава и имело бы своим результатом ослабление Организации Объединенных Наций как инструмента мира.

203. Делегация Украинской ССР считает, что резолюция «Объединенные действия в защиту мира», если из нее будут изъяты положения, нарушающие Устав Организации Объединенных Наций, и будут включены поправки, предложенные делегацией Советского Союза, может стать приемлемой. Мы будем поэтому голосовать против резолюции, если поправки делегации СССР не будут в нее включены.

Заседание закрывается в 6 ч. 05 м. вечера.